

Международное высшее образование

ВЫПУСК

109

Зима

2022

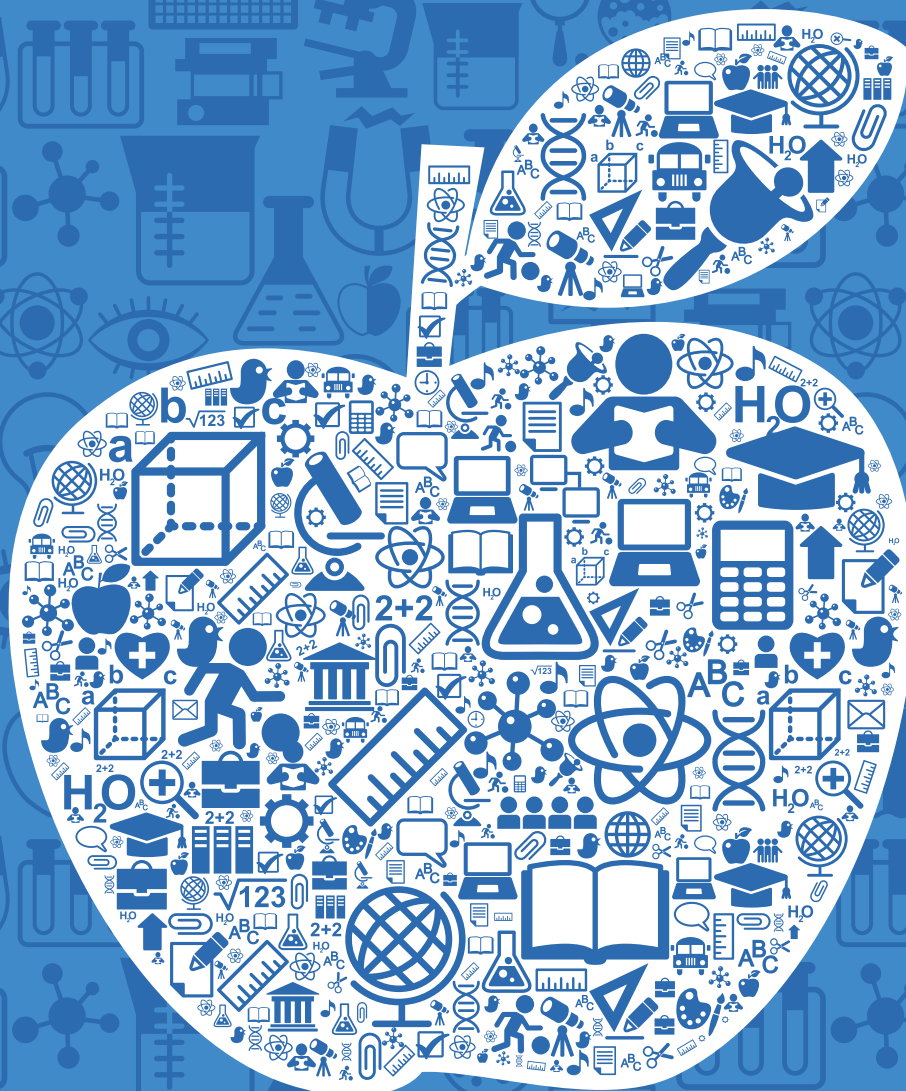
Международные
темы

Гуманитарное
образование

США

Государственное и частное
в высшем образовании

Страны
и регионы

Русскоязычное издание журнала *International Higher Education*
(Бостонский колледж, США)

СІНЕ

Центр по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) занимается теоретическими разработками и проводит междисциплинарные исследования в области высшего образования на мировом уровне. Основной задачей центра является распространение актуального, аналитически осмысленного знания о состоянии, тенденциях развития, структуре и основных проблемах международного высшего образования.

Среди направлений деятельности центра ключевыми являются издание ежеквартального бюллетеня International Higher Education, содержащего лучшие научные разработки и статьи о важных изменениях в области высшей школы на примере локальных, региональных и международных кейсов; отбор и издание книг и монографий состоявшихся и молодых исследователей из разных стран; работа по активизации исследований в области высшей школы

в странах Африки и других развивающихся странах; мониторинг коррупции в сфере высшего образования, а также работа, связанная с кросс-культурным взаимодействием университетов и исследователей.

Центр по изучению международного высшего образования — стратегический партнер ИНИИ НИУ ВШЭ, в сотрудничестве с которым реализован целый ряд исследовательских проектов. Новым этапом совместной деятельности является подписание соглашения о передаче прав на издание и распространение бюллетеня на русском языке.

<http://www.bc.edu/research/cihe/>

ИНИИ

Институт институциональных исследований (ИНИИ) является одним из научно-исследовательских центров НИУ ВШЭ. Он специализируется на фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследованиях в области институционального анализа экономики, а также в сфере социологии науки и высшего образования. ИНИИ интегрирован в международные исследовательские сети высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках совместных проектов, охватывающих вопросы развития высшего образования и образовательной политики.

Одним из основных направлений исследований ИНИИ является изучение образовательных и профессиональных стратегий студентов и абитуриентов, а также связей между образованием и рынком труда. В исследованиях сотрудников института анализируются вопросы, с которыми сталкиваются абитуриенты в процессе поступления, факторы успеха студентов во время учебы в вузах, вопрос трудоустройства студентов и совмещения учебы и работы. Изучается ожидаемая и фактическая отдача от учебы и результа-

ты на рынке труда выпускников вузов в зависимости от образовательных факторов и стратегий перехода от учебы к работе, уделяется особое внимание вопросам, связанным с гендерным неравенством. Исследования проводятся в сотрудничестве с другими исследовательскими центрами, в том числе с Лабораторией исследований рынка труда НИУ ВШЭ, Центром исследований политики в области высшего образования Университета Порто и Университетом Гента.

На базе ИНИИ проводятся еженедельные открытые научные семинары и ежегодная международная летняя школа по институциональному анализу (RSSIA), сотрудниками института организовано издание ежеквартального журнала “Higher Education in Russia and Beyond”. ИНИИ также проводит экспертно-аналитическое обеспечение работы федеральных и региональных органов власти, университетов в области образовательной политики. Ежегодно институт ведет набор студентов, аспирантов и постдоков из России и других стран.

<https://cinst.hse.ru/>

Содержание

Международное высшее образование

№109 / Зима 2022

Международные темы

- 6 Нобелевские лауреаты 2021 года: выводы о высшем образовании, науке и обществе
Филип Дж. Альтбах и Тесса ДеЛакуил
- 8 Упущенные возможности и зашоренный взгляд на интернационализацию
Ханс де Вит и Элспет Джонс
- 10 Можно ли победить коррупцию в высшем образовании с помощью системы контроля качества?
Айрин Глендиннинг
- 12 Оптимистичный взгляд на постпандемийное будущее международных филиалов вузов
Яна Мария Клайберт
- 13 Университет будущего глазами нынешних студентов
Дана Абдрашева, Диана Моралес и Эмма Сабзалиева

Гуманитарное образование

- 16 Гуманитарное образование широкого профиля: противоречивые тенденции и новые скандалы
Мэри-Эллен Бойл
- 18 В Индии грядет волна популярности гуманитарного образования
Пушкар
- 21 Закрытие Колледжа Йеля и Национального университета Сингапура: неясные причины, ясные последствия
Хо-Юн Лок

США

- 23 Появление, отступление, обновление: коммерческие вузы в США
Ричард Гаррет
- 25 Всерьез и надолго: международная конкуренция за лучшие кадры и позиция США
Джек Корриган и Ремко Зветслот
- 27 Риски использования агентств по привлечению абитуриентов в США
Филип Дж. Альтбах и Лиз Райзберг

Государственное и частное в высшем образовании

- 29 Государственное и частное в высшем образовании
Филип Дж. Альтбах, Ханс де Вит и Айеначеу Волдегийоргис
- 31 Частные вузы в Египте: уже не неизбежное зло, а важный элемент системы
Гада Барсум
- 33 Вьетнам: частное высшее образование в коммунистической стране
Куан Тяу
- 35 Частные вузы в преимущественно государственной образовательной системе: случай Германии
Барбара М. Кем
- 36 Румыния: государственное и частное в высшем образовании
Георгиана Михут
- 38 Частные университеты в Аргентине: строгое регулирование небольшого, но сплоченного сектора
Данте Х. Сальто

Страны и регионы

- 40 Новая классификация европейских вузов на основе больших данных
Бенедетто Лепори и Агата А. Ламбрехтс
- 42 Двухвариантная модель оплаты обучения в вузах России и постсоветских стран
Анна Смоленцева
- 44 Австралия и китайский вопрос
Энтони Уэлч

Нобелевские лауреаты 2021 года: выводы о высшем образовании, науке и обществе

Филип Дж. Альтбах
и Тесса ДеЛакуил

Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США), Тесса ДеЛакуил — аспирантка и научная ассистентка центра.
E-mail: altbach@bc.edu, tessa.delaquil@bc.edu.

Эта статья уже выходила в University World News.

Недавно объявили лауреатов Нобелевской премии за 2021 год в области физики, физиологии/медицины, химии и экономики. Как водится, решение Нобелевского комитета — это не только признание заслуг ведущих ученых и их открытий, но и своего рода наставление современным университетам и науке в целом. Тенденции, которые можно заметить по результатам отбора лауреатов 2021 года, заслуживают внимания. Хотя, конечно, нужно понимать, что Нобелевская премия практически всегда присуждается как знак признания выдающихся научных достижений, сделанных на протяжении целых десятилетий, и что она «вручается за работу, принесшую наибольшую пользу человечеству».

Кто и откуда?

Коротко перечислим призеров 2021 года и отметим, откуда они. Все 10 лауреатов 2021 года — мужчины, что, к сожалению, типично для рассматриваемых областей: за всю историю вручения Нобелевской премии лишь 25 женщин становились лауреатами в области физики, физиологии/медицины, химии и экономики. (В 2020 году среди 10 лауреатов было три женщины, но это исключение.) Лауреаты 2021 года в настоящее время аффилированы с вузами всего лишь трех стран: семеро из них работают в американских университетах, двое — в Германии, один — в Италии. Трое — сотрудники исследовательских институтов (двое работают в институтах Общества Макса Планка в Германии, один — в Медицинском институте Говарда Хьюза в США), остальные семь — сотрудники университетов. Как водится, все это известные исследовательские университеты (например, Стэнфорд и Принстон), получающие огромное финансирование и занимающие ведущие строчки в мировых рейтингах.

Происхождение, образование и карьера нобелиатов 2021 года

Интересно, что лишь двое из десяти нобелиатов родились в США (остальные родом из Германии, Италии, Канады, Ливана, Нидерландов, Соединенного Королевства и Японии), хотя шестеро из них в настоящий момент работают именно в США. Шесть из десяти получили степень PhD в американских университетах, двое — в немецких, и по одному — в Италии и Японии. А вот если смотреть на их бакалаврское образование, то там наблюдается больше разнообразия, что связано с их происхождением: только двое окончили бакалавриат американских вузов. Остальные учились в Германии, Италии, Канаде, Ливане, Нидерландах, Шотландии и Японии, причем все без исключения — в лучших колледжах и университетах своих стран. При выборе магистратуры все, кто к тому моменту еще жил на периферии своих стран, переехали из периферийных городов в мегаполисы.

Примечательны и карьерные траектории нобелевских лауреатов. Лишь четверо из десяти лауреатов 2021 года, о которых мы говорим, всю жизнь учились и работали в одной и той же стране (США) и строили свою карьеру, переходя из одного престижного университета в другой. Остальные же шесть хотя бы один раз работали в другой стране — как приглашенные профессора или штатные сотрудники. Многие возвращались поработать в страну рождения, но нередко речь шла и о работе в престижных вузах других передовых стран, например Германии и Соединенного Королевства.

Наука — международный феномен, но неоднородный и со своими ограничениями

Образовательный и карьерный опыт новых нобелиатов показывает, что ведущие ученые, конечно, действительно мобильны. Некоторые из них успели поработать в нескольких странах и всегда в передовых вузах. Впрочем, очевидно, что в большинстве случаев они тяготеют к странам с наиболее продвинутой научной инфраструктурой, в частности к США.

Нобелиаты 2021 года построили международную карьеру и вращались в элитных кругах, что говорит о важности взаимного обогащения идеями и о том, что наука — глобальный феномен. Если анализировать образовательные и карьерные траектории нобелевских лауреатов последних лет, особенно с точки зрения студенческой мобильности, научных обменов и международного исследовательского сотрудничества, можно заметить подвижку среди академической элиты в сторону усиления научной интернационализации.

Аффилиации нобелиатов 2021 года, как и лауреатов нескольких предшествующих лет, преимущественно ограничены небольшим кругом стран, а лауреаты 2021 года вообще представляли исключительно вузы

Европы и США. Стоит также отметить, что в ряде случаев исследования, отмеченные Нобелевской премией, проводились в вузе или даже государстве, отличном от текущей аффилиации лауреата. Пока незаметно, чтобы «Азия вставала с колен», несмотря на колоссальные инвестиции в науку, например в Китае, и на присутствие в Гонконге, Сингапуре, Южной Корее и Японии университетов, занимающих высокие места в международных рейтингах. Дело в том, конечно, что Нобелевская премия — своего рода запаздывающий индикатор научных достижений, хотя можно было бы ожидать, что к 2021 году практически монопольное положение североамериканских и западноевропейских стран в науке уже могло бы ослабнуть. Однако академический мир, в особенности, пожалуй, мир передовых исследовательских университетов, меняется медленно.

Все 10 лауреатов 2021 года — мужчины, что, к сожалению, типично для рассматриваемых областей: за всю историю вручения Нобелевской премии лишь 25 женщин становились лауреатами в области физики, физиологии/медицины, химии и экономики.

Что нобелевская статистика говорит нам об университетах и науке

Очевидно, что США лидируют по числу Нобелевских премий в области физики, физиологии/медицины, химии и экономики. В 2021 году именно представители американских университетов получили семь из десяти премий. Конечно, не все они родились или оканчивали бакалавриат в США. Это верно лишь для двух лауреатов 2021 года — впрочем, как уже говорилось, шестеро из десяти успешно защитили диссертации в американских вузах. В этом нет ничего удивительного, и этот факт только подтверждает привлекательность американских исследовательских университетов.

Распределение Нобелевских премий указывает на то, что фундаментальная наука сильно стратифицирована и сконцентрирована в небольшой группе стран. Если посмотреть на статистику последних 20 лет, 103 из общего числа 230 нобелиатов в области физики, физио-

логии/медицины, химии и экономики за этот период — уроженцы США. Еще 38 человек родились в других англоговорящих странах. Но так было не всегда. До Второй мировой войны в лидерах были немецкоязычные страны, однако научное господство Германии было сломлено из-за нацистского режима. Германия часто опережала другие страны по количеству граждан-нобелиатов вплоть до 1948 года, затем пальма первенства на несколько лет перешла к Великобритании, а в 1960 году ее обогнали США, что отчасти связано с иммиграцией еврейских и других ученых, бежавших от преследований со стороны нацистов.

Возможно ли, что в ближайшие годы кто-то сможет потеснить США и другие англоязычные страны? Сложившийся баланс вряд ли коренным образом изменится в обозримом будущем, несмотря на предсказываемое многими усиление позиций Китая и на географическое расширение фундаментальной науки. В ведущих американских университетах сложилась стабильная экосистема: там отличная инфраструктура, первоклассная исследовательская культура, высокие (по мировым стандартам) зарплаты, доступное (распределяемое на конкурсной основе) научное финансирование, академическая свобода, достаточная степень автономии, и, наконец, что немаловажно, эти вузы умеют и хотят привлекать и удерживать лучшие международные кадры.

Конечно, некоторые изменения возможны и даже желательны, и они наверняка будут происходить. Вовлечение новых стран в инновационные фундаментальные исследования способствует диверсификации тем и увеличению этнокультурного разнообразия научных кадров. Можно сказать, что по миру прокатилась целая волна инициатив по повышению качества высшего образования и науки: такие инициативы действуют в 15 государствах, включая Германию, Китай, Россию, Францию и другие, и в среднесрочной перспективе могут способствовать укреплению лучших исследовательских университетов этих стран. Использование английского в качестве языка международной науки в некоторой степени помогает уравнивать условия игры, хотя вместе с тем англоязычные страны получают бесспорное преимущество над другими.

Заключение

Исследования, отмечаемые Нобелевской премией, — это явно стратосфера мировой науки. А в современной академической атмосфере, где доминирует «нацеленность на результат», долгосрочное мышление и ориентация на фундаментальные исследования — это для большинства стран и университетов непозволительная роскошь. Однако, как ежегодно подчеркивает Нобелевский комитет, именно фундаментальные исследования в долгосрочной перспективе приводят к потрясающим практическим результатам. Это верно, например, в отношении работы Дэвида Джулиуса и Ардема Патанутяна по исследованию рецепторов температуры и осязания, которая, по мнению

[Фрэнсиса Коллинза, возглавляющего Национальные институты здравоохранения США, может помочь найти новые способы обезбоживания.](#) Соответственно, следует задуматься о том, не стоит ли нам в нашем стремлении к интернационализации науки путем развития финансирования, мобильности и программ сотрудничества еще и пересмотреть подход к поддержке фундаментальной науки на глобальном уровне.

.....

Упущенные возможности и зашоренный взгляд на интернационализацию

Ханс де Вит и Элспет Джонс

*Ханс де Вит — почетный профессор и заслуженный научный сотрудник Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: dewitj@bc.edu.*

*Элспет Джонс — почетный профессор наук о высшем образовании Городского университета Лидса (Великобритания).
E-mail: e.jones@leedsbeckett.ac.uk.*

Это новая версия статьи, ранее вышедшей в [University World News](#).

21 октября 2021 года международные образовательные организации из девяти западных стран (Канадское бюро по вопросам международного образования (CBIE), Финское национальное агентство по вопросам образования (EDUFI), французское «Кампус Франс», Германская служба академических обменов (DAAD), Центр развития образования и содействия в выборе образования в Италии (Uni-Italia), Нидерландская организация по международному сотрудничеству в области высшего образования (Nuffic), Норвежское управление по вопросам высшего образования и профессиональной подготовки, Британский совет и Институт международного образования (ИЕ) в США) выпустили по результатам прошедшего в 2021 году международного саммита по вопросам образования [совместное заявление в поддержку международного образования и мобильности](#). Заявление было подкреплено подготовленными этими организациями девятью короткими национальными докладами (в случае США национальный доклад был подготовлен совместно с Госдепартаментом, Министерством образования и организацией EducationUSA).

Шаг вперед — два назад

Название саммита (и одновременно заголовок вышеупомянутого заявления) «Что впереди: строя более справедливый, устойчивый и спокойный постпандемный мир с помощью международных обменов» на первый взгляд представляется вполне прогрессивным и многообещающим, поскольку предполагает использование в будущем комплексного и инклюзивного подхода к международному высшему образованию. И в заголовке, и в тексте заявления, и в национальных докладах упоминаются инклюзивность, справедливость и стабильность, что отсылает нас к приоритетным направлениям работы в сфере интернационализации высшего образования, признанным таковыми еще до пандемии и ставшим, безусловно, только актуальнее. Почти во всех национальных докладах упоминаются различные стратегии и инициативы девяти перечисленных организаций, такие как Фонд спасения ученых, упоминается работа по повышению доступности высшего образования для беженцев, проекты сотрудничества и укрепления потенциала с представителями других регионов, внутренняя интернационализация и [интернационализация на благо общества](#). Хорошо, что все эти организации ставят перед собой цели в области развития международного образования и мобильности.

Однако само заявление и предлагаемый в нем подход к развитию интернационализации образования можно, к сожалению, охарактеризовать как «шаг вперед — два назад».

Ориентированность на Запад

[Еще в 2014 году](#) мы писали, что надо перестать рассматривать интернационализацию исключительно через призму европеизированного, по большей части англосаксонского мира и преимущественно через парадигму английского языка. Да и многие другие ученые и эксперты призывали к более инклюзивному и менее элитистскому подходу к интернационализации, который бы не ограничивался международными обменами и мобильностью. В западном мире все громче звучат призывы к деколонизации образования и деприоритизации англоязычного мира и западного влияния в целом. Статьи по этой тематике все чаще появляются и в СМИ, и в рецензируемых научных журналах. В 2014 году в Бухте Нельсона Манделы в ЮАР проходил Всемирный диалог, где собрались профессиональные ассоциации со всех уголков мира. По итогам собрания была выпущена [декларация](#) о будущем интернационализации высшего образования, где говорилось, что «в основе интернационализации должны лежать принципы взаимовыгоды и содействия развитию организаций и отдельных людей в странах с развитой, переходной и развивающейся экономикой». Неужели после 2014 года мы стали двигаться в обратном направлении? Зачем вообще проводить саммит и выпускать совместное заявление, если все девять организаций-участниц представляют

развитый западный мир, вместо того чтобы активно привлекать к участию представителей других регионов и учитывать различные точки зрения?

Физическая мобильность на первом плане

Еще, пожалуй, удивительнее в заявлении 2021 года недвусмысленный призыв к повышению привлекательности долгосрочной мобильности в направлении вышеупомянутых девяти стран и к налаживанию обменов между этими самыми странами. В документе написано, что нужно «требовать от лидеров всех уровней обеспечения мер по увеличению в мире числа студентов, которые могли бы пройти часть своего обучения за рубежом, и настаивать на том, чтобы двери вузов в их странах оставались открыты студентам из-за рубежа». И хотя потом идет пассаж про необходимость отреагировать на проблемы беженцев, все равно не покидает ощущение, что главным направлением работы в постпандемийный период должно стать поддержание входящей мобильности в эти девять стран.

Это особенно странно, если учитывать, что эти страны сталкиваются с очень разными трудностями в плане привлечения абитуриентов. С одной стороны, есть [Нидерланды](#), где резко выросло количество студентов, причем главным образом из-за международных студентов, которые уже составляют 23% всех учащихся, из-за чего нидерландские университеты даже обратились к правительству с просьбой разработать юридические меры, которые бы позволили ограничить число учащихся. С другой стороны, есть США, столкнувшиеся с сокращением притока абитуриентов на программы бакалавриата, в связи с чем американским университетам — в частности тем, прием куда сократился особенно резко, — рекомендуется активнее привлекать студентов из-за рубежа, в том числе с использованием услуг специализированных агентств-посредников.

Страновые доклады канадской и европейских организаций описывают более комплексный и инклюзивный подход, который, увы, не нашел отражения ни в совместном заявлении, ни в американском докладе. Американский доклад носит явный национальный уклон, что отлично видно из следующей цитаты: «Мы осознаем, что уникальная роль в международном образовании принадлежит правительству США, потому что оно несет ответственность перед американским народом, отвечает за международные отношения, национальную безопасность, экономическую и миграционную политику, руководит страной и занимает доминирующее положение на мировой арене, а также несет ответственность за то, как США воспринимаются за рубежом».

В совместном заявлении девяти организаций также сделан явный акцент на развитии физической мобильности и обменов, хотя возможность поучаствовать в таких программах всегда была доступна лишь

очень узкому кругу студентов в мире. Не упомянуты ни виртуальные обмены и мобильность, ни групповое международное онлайн-обучение, ни виртуальные стажировки. Пандемия дала новый импульс подобным альтернативным вариантам мобильности, хотя многие вузы и раньше начали проявлять изобретательность в своем подходе к академической мобильности. Широкое признание получил тот факт, что подобные перечисленные чуть выше новые формы деятельности представляют собой более надежную и инклюзивную альтернативу традиционным формам международного взаимодействия и что благодаря новым подходам больше студентов сможет поучаствовать в программах академической мобильности, чем когда она ограничена физической мобильностью.

В западном мире все громче звучат призывы к деколонизации образования и деприоритизации англоязычного мира и западного влияния в целом.

Упущенная возможность

В страновых докладах регулярно повторяется, как важна цифровая интернационализация, однако в итоговом заявлении о ней, как ни удивительно, не сказано ни слова. В нем также не упоминается роль интернационализации учебных планов, общественное значение интернационализации (интернационализации на благо всего общества) и обучения всех студентов критическому взгляду на глобальные процессы. В целом по прочтении заявления создается впечатление, что оно пропагандирует заточенный на физическую мобильность западоориентированный подход к высшему образованию, который раньше, может, и был актуален, но сейчас уже неуместен.

Надо признать, что хороший момент упущен и что итоговое заявление не отражает цели и ценности, за которые борются некоторые из подписавших его организаций. Нашим партнерам из развивающихся стран остается разве что гадать, что еще нужно сделать, чтобы их голос в дискуссии об интернационализации наконец был услышан.

Можно ли победить коррупцию в высшем образовании с помощью системы контроля качества?

Айрин Глендиннинг

Айрин Глендиннинг — доцент методического управления Университета Ковентри (Великобритания).

E-mail: csx128@coventry.ac.uk.

Вы полагаете, что коррупция в высшем образовании — явление редкое или встречающееся только в странах с низким уровнем доходов? Как бы не так. В этой статье я поделюсь с вами сделанными в ходе более чем десяти лет исследовательской работы наблюдениями об отношении к профессиональной этике и недобросовестности в академической среде и о соответствующих стратегиях работы в разных частях света.

Изучение коррупции

В 2010–2018 годах мы с моими коллегами из разных европейских стран проводили мониторинг обстановки в вузах 38 стран Европы и Евразии, изучая их нормативные документы, касающиеся академической этики, и практику их применения. Один из наших проектов проводился при финансовой поддержке Европейской комиссии, два других — при поддержке Совета Европы. Хотя первоначально нашей задачей была борьба с плагиатом среди студентов, со временем мы обнаружили целую комплексную систему взаимозависимостей в отношениях между студентами, их преподавателями, руководством вузов, а также местными политическими, культурными и общественными нормами. Подкуп, обман, кумовство, фальсификации — все это встречалось практически во всех странах, на которые мы обращали свое внимание. Коррупция в образовательной среде — актуальная проблема для всех изученных нами территорий, хотя масштабы и особенности этого явления различаются от страны к стране и от региона к региону.

В 2016–2017 годах мы с двумя моими британскими коллегами проводили по заказу Международной группы по контролю качества при Совете по аккредитации высших учебных заведений (CIQG) глобальное исследование коррупции в сфере высшего образования. Руководство этой организации интересовал вопрос, как органы, отвечающие за контроль качества, и аккредитационные агентства из разных уголков мира реагируют на злоупотребления, с которыми они сталкиваются в своей работе. Под коррупцией мы пони-

мали умышленные действия ради получения незаслуженных преимуществ в обмен на материальную или иную выгоду. Мы использовали онлайн-опросник, на который поступило 69 валидных откликов, и провели 22 интервью.

Контроль качества и профессиональная этика

Очень важно установить связь между контролем качества и академической этикой, в особенности когда речь идет о высшем образовании. Но разные люди понимают под контролем качества совершенно разные вещи. Один эксперт в этой области, которого я опрашивала в рамках исследования, сказал, что люди часто используют слово «качество», не понимая до конца, что это на самом деле значит. Я убеждена, что контроль качества будет более осмысленным и веским, если он будет опираться на академические стандарты и этику, нежели на одно только «качество» само по себе. Вузы, которые не вкладывают сил в академическую этику, рискуют ослабить свое качество и стандарты. Все вузы должны систематически проводить внутреннюю проверку качества, стандартов и профессиональной этики ради противодействия коррупции и халатности. А аккредитационные агентства и экспертные организации в сфере контроля качества могут дать ценный взгляд извне и помочь с улучшением заведенных в вузе порядков. Однако вузы, естественно, делятся с аккредитационными агентствами и органами, отвечающими за контроль качества, не всей информацией, так как, как правило, никто в вузе не заинтересован в поиске или сборе доказательств случаев коррупции.

По всему миру внешняя проверка вузов чаще проводится в контексте аттестации, нежели ради контроля качества, однако цели и регламент работы у разных аккредитационных агентств могут существенно варьироваться. Иногда они проводят аттестацию, чтобы принять решение относительно распределения бюджетного финансирования, выдачи стипендий или кредитов на образование; иногда саморегулируемые профессиональные организации проверяют, чему студентов учат и какие используются методы оценки знаний, а иногда — чтобы подтвердить заслуги вуза или представителей отдельной дисциплины. Некоторые аккредитационные агентства и организации по контролю качества работают на коммерческой основе, ради прибыли, так что далеко не все из них реально заинтересованы в поддержании качества и соблюдении стандартов.

Что собой представляет коррупция в высшем образовании?

В исследовании CIQG не обойден вниманием ни один из аспектов коррупции в сфере высшего образования, включая вопросы, связанные с обязательствами государства, процедурами внешнего контроля качества,

системой управления вузами, поведением преподавателей, приеме абитуриентов и наймом сотрудников, обучением и оценкой знаний студентов, присуждением квалификаций и дипломов, исследованиями и научными публикациями.

В образовательном контексте под коррупцией обычно понимается ситуация, когда люди нарушают или саботируют свои обязанности, злоупотребляют своим положением и/или возложенным на них доверием. Зачинщиком может оказаться любой человек, так или иначе вовлеченный в образовательные процессы, от чиновника до студента. Чаще всего к коррупции людей побуждает перспектива материальной выгоды, однако могут быть и другие факторы: личные, образовательные, связанные с карьерными или иными соображениями, например с сексуальными домогательствами. Иногда людей подстрекают или вынуждают к недобросовестным практикам в качестве жертвы или нарушителя, и они соглашаются на это по невежеству, под давлением, из-за угроз или от безысходности. Одни сознательно идут на нарушения, другие — когда не видят иного выхода или же если просто не видят в своем поведении ничего плохого.

Коррупция в образовательной среде приводит к тому, что одни получают незаслуженное преимущество в ущерб другим. В особо тяжелых случаях коррупция может повлечь за собой серьезные последствия с точки зрения общественной безопасности, например если обладающий дипломом, но плохо подготовленный инженер или врач должен принять решение в ситуации, от которой зависит человеческая жизнь.

В обществах, в культуре которых высоко ценится приверженность семье и дружеская преданность, обычно распространено кумовство, а на конфликты интересов принято закрывать глаза, так что такие практики даже не считаются чем-то предосудительным. В странах с высоким уровнем доверия, таких как Новая Зеландия и скандинавские страны, люди вообще редко говорят о коррупции и отказываются признавать наличие этого феномена, когда звучит хоть намек на возможные злоупотребления.

Мы изучили исследования, посвященные самым разным формам коррупции во всех изученных нами странах и образовательных системах. Некоторые практики процветают благодаря местному контексту и местным условиям. Например, если у преподавателей или сотрудников приемных комиссий низкая зарплата и нестабильная работа, то попытка подкупить кого-то из них, чтобы получить, например, хорошую оценку, безнаказанно списать на экзамене или поступить в вуз, наверняка увенчается успехом.

Выводы

В ходе нашего исследования мы увидели, что мало кто из респондентов, представляющих аккредитационные агентства и организации, отвечающие за контроль качества, обеспокоен коррупцией в высшем образова-

нии, различные формы которой описаны в научной литературе и встречаются в СМИ или соцсетях, и еще меньше людей предпринимает какие-то целенаправленные действия по борьбе с первопричинами коррупции в высшем образовании и науке. Те организации, которые все-таки принимают какие-то меры (а они сосредоточены преимущественно в англоязычных странах, в частности в Австралии, Ирландии, Новой Зеландии и Соединенном Королевстве), сыграли решающую роль в улучшении национального законодательства, направленного на борьбу с фабриками рефератов и лжеуниверситетами. Они разработали методички для вузов, привлекли их внимание к проблеме и помогли им разработать собственные эффективные процедуры.

Очень важно установить связь между контролем качества и академической этикой, в особенности когда речь идет о высшем образовании.

Наиболее активно занимающиеся подобной работой аккредитационные агентства и организации, отвечающие за контроль качества, сотрудничают с властями, негосударственными организациями, исследователями и международными структурами и сами проявляют инициативу, проводя собственные расследования и делаясь своими знаниями с другими: они распространяют методички, проводят тренинги, оказывают необходимые услуги и помощь. А еще мы многим обязаны журналистам-расследователям, ведь им удается найти убедительные свидетельства коррупции в высшем образовании, которые сложно было бы обнаружить методами академического исследования.

В августе 2018 года CIQG опубликовала составленный с опорой на наши рекомендации [перечень ключевых вопросов](#) для аккредитационных агентств и организаций, отвечающих за контроль качества. Этот документ, равно как и [отчет о результатах нашего исследования](#), можно бесплатно скачать на сайте организации.

Понимание рисков и подспудных причин коррупции поможет в выборе адекватных мер по противодействию этому явлению. И законодатели, и правоприменители должны использовать как проактивный, так и реактивный подход, чтобы в корне извести коррупцию и чтобы справляться с ситуациями, когда на поверхность всплывают подтвержденные факты коррупции. В случаях, когда того требуют природа и международный охват коррупционных практик, возникает

потребность в международном сотрудничестве. Для начала главное — признать, что нужно принять какие-то меры для искоренения различных форм коррупции в образовании. Помимо прочих форм борьбы с коррупцией в обществе в целом, очень важно на протяжении всего процесса подготовки новых поколений профессионалов прививать им принципы порядочности и этики.

Оптимистичный взгляд на постпандемийное будущее международных филиалов вузов

Яна Мария Клайберт

*Яна Мария Клайберт — глава группы молодых исследователей Института социально-географических исследований имени Лейбница и Берлинского университета имени Гумбольдта (Германия).
E-mail: jana.kleibert@leibniz-irs.de.*

Ученые и специалисты в сфере международного высшего образования много спорят о будущем международных филиалов вузов (МФВ). Не раз поднимался вопрос об устойчивости и долговечности реализуемой через филиалы стратегии интернационализации, поскольку физическое присутствие университета в другой стране требует финансовых вложений, зачастую рискованных. Этот вопрос стал еще актуальнее в связи с наблюдаемыми в транснациональном образовании проблемами, вызванными пандемией COVID-19. Стоит ли ожидать после пандемии волну закрытия МФВ? Или же они возьмут на себя новые функции и их значимость для головных университетов возрастет? Проведенный нами при финансовой поддержке Ассоциации региональных исследований опрос руководителей МФВ выявил неожиданно высокий уровень оптимизма.

Пандемия серьезно сказалась на МФВ

Пандемия COVID-19 нарушила привычный ход жизни в вузах всего мира. Особенно серьезно она сказалась на международных филиалах вузов, чья деятельность в большой степени определяется межстрановыми связями и студенческой и академической мобильностью. Группа по изучению трансграничного образования Института социально-географических исследований имени Лейбница провела междуна-

родное исследование, опросив руководителей МФВ из 15 стран. Наша выборка хорошо отражает географическое присутствие МФВ: такие международные образовательные центры, как Катар, Малайзия, ОАЭ и Сингапур, были представлены каждый минимум одним респондентом. Всего наш онлайн-опросник заполнили 29 человек, доля ответивших составила 14%. Более 80% респондентов сказали, что их вузы сильно или очень сильно пострадали из-за пандемии. Чаще всего они называли такие проблемы, как временная приостановка работы, неблагоприятное состояние студентов, финансовые трудности. Большинство вузов (74%) не получало никакой финансовой помощи, чтобы пережить кризис. Кроме того, их работа осложнялась необходимостью соблюдения требований, наложенных в связи с COVID-19, и обеспечения образовательного процесса, кадровыми проблемами и сокращением притока абитуриентов.

Международные филиалы вузов и до пандемии сталкивались со множеством проблем, и нередко встречались новости о закрытии того или иного филиала. Само существование МФВ тоже регулярно оказывается под угрозой из-за геополитических изменений, а также если власти принимающей страны принимают стратегическое решение ослабить влияние иностранных партнеров. Так, недавно, к удивлению многих, было объявлено о том, что в 2025 году совместный колледж Йельского университета и Национального университета Сингапура закроется как самостоятельное учебное заведение и войдет в состав Национального университета Сингапура (подробнее об этом пишет Хо-Юн Лок в своей статье «Закрытие Колледжа Йеля и Национального университета Сингапура: неясные причины, ясные последствия» в текущем выпуске «Международного высшего образования»). Исследователи высшего образования не раз изобличали неизбежные риски, связанные с развитием МФВ, потому что в такое учебное заведение нужно вложить массу времени и денег, а если оно прогорит, то это обернется существенными финансовыми и репутационными потерями. Многие МФВ и так работают в условиях финансовых и других повседневных трудностей. Кризисная ситуация пандемии COVID-19 только добавляет проблем и может оказаться последней каплей для вузов, и без того находящихся в трудном финансовом положении.

Новые роли и стратегии

Международные филиалы вузов — неоднородная категория. Они существенно различаются в зависимости от контекста исходной и принимающей страны и в зависимости от того, какая логика легла в основу их появления. Одни работают преимущественно с международными студентами, другие, наоборот, дают местному населению возможность получить международное образование.

Интересно, что с началом пандемии две трети руководителей МФВ изменили свою стратегию привлечения

абитуриентов и переориентировались главным образом на местную аудиторию. А в Малайзии вообще все МФВ переориентировались на местных абитуриентов. Некоторым МФВ даже удалось переманить к себе абитуриентов, которые изначально планировали уехать учиться в страну головного университета. Малайзия запустила стратегию преобразования из зоны транснационального образования в «перевалочный пункт» для студентов, которые все еще надеются уехать за границу за международным образовательным опытом. Некоторые из них уже начали учиться на родине в ожидании отъезда.

Практически каждый из респондентов (80%) уверен, что его вуз проработает еще как минимум 5 лет.

Хотя физическая международная мобильность приостановилась, университеты с филиалами в странах, где много готовых к переезду за границу потенциальных абитуриентов, продолжили получать прибыль от международных студентов. МФВ дали ряду университетов географически диверсифицировать доходы, что обеспечило бесперебойный бизнес даже в условиях пандемии. Руководителям нескольких МФВ удалось привлечь новых абитуриентов из смежных стран или других соседей по региону, а некоторые из них даже смогли найти новые источники дохода помимо платы за обучение, чтобы справиться с обусловленными пандемией финансовыми проблемами.

Оптимизм

Несмотря на то что условия работы во многих странах становятся все менее благоприятными, руководители МФВ, принявшие участие в нашем опросе, с оптимизмом смотрят в постпандемийное будущее и не ожидают волны закрытий. Практически каждый из респондентов (80%) уверен, что его вуз проработает еще как минимум 5 лет, хотя даже в допандемийные времена это могло показаться слишком оптимистичным, потому что регулярно проскакивала новость о закрытии того или иного МФВ. Лишь двое респондентов полагают, что их вузы не оправятся от последствий пандемии, треть считает, что оправятся, а 59% убеждены, что их вузы имеют прочный запас жизненных сил. А Ноттингемский университет в Малайзии даже выкупил у своих малайзийских партнеров их долю в совместном предприятии за 23 миллиона фунтов стерлингов, таким образом повысив свои инвестиции в МФВ несмотря на пандемию.

Учитывая меняющийся ландшафт международного высшего образования и распространение гибридных форм обучения, большинство респондентов полагает, что МФВ не просто переживут пандемию, но и помогут своим головным университетам повысить запас прочности благодаря географической диверсификации доходов и — в средне- и долгосрочной перспективе — организации занятий в различных локациях.

Отсюда можно сделать важные выводы о будущем такого явления, как международные филиалы вузов, в постпандемийный период. Хотя в условиях пандемии сильно повысилась цифровизация и широко распространилось онлайн-обучение, многие четко почувствовали ограничения общения, проходящего исключительно через интернет. Студенты скучают по очному общению, так что многообещающим направлением развития может оказаться гибридное обучение. Мы вряд ли станем очевидцами заката очного образования. Мы скорее увидим, что изменятся требования к зданиям вузов. Возможно, для университетов станет предпочтительнее иметь несколько комплексов зданий в разных локациях, которые бы работали как географически диверсифицированная сеть и обеспечивали и очное, и онлайн-обучение. И хотя в будущем мы еще наверняка услышим о закрытии МФВ, события последнего времени могут дать им дополнительный толчок к развитию.

.....

Университет будущего глазами нынешних студентов

Дана Абдрашева, Диана Моралес и Эмма Сабзалиева

Дана Абдрашева — научный сотрудник, Диана Моралес — младший аналитик, а Эмма Сабзалиева — старший аналитик Международного института ЮНЕСКО по высшему образованию в Латинской Америке и Карибском бассейне (ИЕСАЛК).

E-mail: d.abdrasheva@unesco.org; d.morales@unesco.org; e.sabzalieva@unesco.org.

При анализе данных, полученных по результатам фокус-групп, исследователи ИЕСАЛК сотрудничали с относящейся к штаб-квартире ЮНЕСКО группой изучения будущего образования и инноваций и выражают благодарность Киту Холмсу, Тиолувани Адерибигбе, Лиэнн Дейви и Кори Ричардсон за их поддержку и вклад в проведенную работу.

Как нынешние студенты представляют себе университет будущего? На что они надеются, а чего боятся, думая о возможных сценариях развития высшего образования к 2050 году? В этой статье представлены мнения 741 респондента со всего мира, которые участвовали в одной из 55 фокус-групп, проведенных в 2020–2021 годах в рамках одного из приоритетных направлений работы ЮНЕСКО — [изучение будущего высшего образования](#).

Теме высшего образования также посвящена [Всемирная конференция ЮНЕСКО по высшему образованию — 2022](#). Особое внимание высшему образованию уделяет Международный институт ЮНЕСКО по высшему образованию в Латинской Америке и Карибском бассейне (ИЕСАЛК), реализующий крупномасштабный исследовательский проект [о возможных сценариях развития высшего образования](#). В рамках этого проекта проводились консультации с экспертами в сфере высшего образования из разных стран, результаты были опубликованы в докладе [Thinking Higher and Beyond: Perspectives on the Futures of Higher Education to 2050](#). Кроме того, в 2021 году проходили [общественные слушания](#), в которых участвовало более 1200 человек из 100 стран.

Участники фокус-групп

Участники фокус-групп, среди которых было 502 студента и 239 специалистов из областей, связанных с высшим образованием (в том числе из государственной сферы, некоммерческих организаций, академической среды), признают как негативное воздействие пандемии на высшее образование, так и появление связанных с ней новых возможностей. Далее мы подробнее рассмотрим некоторые из основных тем, которые обсуждались участниками фокус-групп.

Трансформация студенческого опыта

Пребывание в университетском городке, который для большинства современных студентов является эпицентром студенческой жизни, будет дополнено, но не заменено использованием технологий в процессе обучения. Как отметил один из участников фокус-группы, «нужно найти равновесие, при котором студенты будут также получать реальный опыт, взаимодействовать с другими людьми и учиться в материальном мире, не полагаясь чрезмерно (или тем более исключительно) на цифровые средства».

Хотя многие опасаются усугубления [глобального цифрового неравенства](#), участники фокус-групп полагают, что технологии могут положительно повлиять на инклюзивность и доступность высшего образования. Один участник отметил, например, что «цифровизация учебного процесса обеспечит доступ к лучшим мировым вузам для людей, которые живут слишком далеко или которые раньше не могли получить доступ к высшему образованию по другим причинам; студент из какой-нибудь калифорний-

ской деревни сможет учиться онлайн в лучших вузах Сан-Франциско или Лос-Анджелеса; студенты со всего мира, где бы они ни находились, смогут получать высшее образование».

Хотя студенты оптимистично оценивают роль технологий в повышении доступности высшего образования, они также учитывают, что в будущем эта сфера, возможно, будет характеризоваться все новыми «рыночными особенностями». В целом студенты полагают, что, с одной стороны, конкуренция неизбежно будет вести к постоянному повышению качества университетов и колледжей, но с другой — к усилению расслоения в обществе по уровню образования.

Смена парадигмы: от академической мобильности к сотрудничеству

Участники фокус-групп согласились в том, что «на смену мобильности придет цифровое взаимодействие» и что в будущем путешествия в другие страны станут необязательными, потому что студенты научатся иными способами взаимодействовать и поддерживать связи с мировым сообществом. В представлении студентов университет будущего будет уделять внимание потребностям местного сообщества и бороться со всевозможными видами неравенства, оставаясь при этом открытым международному сотрудничеству.

Респонденты полагают, что в будущем технологии помогут сгладить различия между странами и что «программы мобильности должны охватывать больше стран и стать еще более международными». Студенты и представители образовательной сферы говорили также о реструктуризации системы университетских степеней, которая должна привести к изменениям в содержании учебных планов и к появлению новых форм академической мобильности. Студенты уверены, что [виртуальные формы мобильности](#) тоже полезны с точки зрения укрепления межкультурных обменов и взаимопонимания.

Совместная работа над формированием учебной среды

Респонденты предполагают, что появятся «новые формы познания и обучения, основанные на взаимодействии и сотрудничестве преподавателей со студентами и взаимодействии студентов между собой; для этого потребуется трансформация роли преподавателя, который не только сохранит за собой роль специалиста, но также в большей степени возьмет на себя функции ментора, медиатора, фасилитатора и вдохновителя». В будущем студенты будут более активно следовать своим потребностям и в соответствии с контекстом и жизненными реалиями воплощать свои желания. Они станут творцами собственного высшего образования и в том числе смогут самостоятельно выбирать свою образовательную траекторию.

Изменение климата — всеобщая проблема

Все респонденты сходятся в том, что изменение климата — важнейшая проблема. Особую озабоченность вызывает тот факт, что современное высшее образование не уделяет этой теме практически никакого внимания. Участники фокус-групп подчеркивали необходимость развития междисциплинарного и доступного образования в области климатической тематики: «В будущем такие темы, как устойчивое развитие и поиск путей для решения общественных проблем, будут чаще обсуждаться и будут включены в программу вузов».

Один участник отметил также, что «изменение климата влияет и на ряд заболеваний, но в ходе нашего обучения этому уделяют мало внимания; нужно наконец связать все факты в единое целое и включить климатическую повестку в программу обучения».

Связи между высшим образованием и рынком труда

Задумываясь о будущем, студенты также отмечают, что важны связи между высшим образованием и рынком труда. Хотя рынки труда бывают разными, студенты очень прагматичны в своем понимании того, что университетский диплом должен помочь улучшить их материальное благосостояние и повысить социальный статус. Безработица воспринимается как одна из основных угроз, которые несет в себе будущее, поэтому важно, чтобы и в будущем университеты готовили студентов к выходу на рынок труда.

Впрочем, респонденты не ограничиваются финансовыми преимуществами трудоустройства после вуза, но также отмечают, что работа в выбранной области приносит им внутреннее удовлетворение и ощущение самореализации. Один респондент сказал, что «гибкие опции непрерывного образования» обеспечивают возможности для постоянного роста и развития, не ограничивая человека «четырьмя стенами учебной аудитории». Студенты понимают, что для того, чтобы иметь стабильную работу, нужно будет постоянно проходить переобучение и повышать квалификацию.

Задумываясь о будущем, студенты также отмечают, что важны связи между высшим образованием и рынком труда.

Влияние искусственного интеллекта на трудоустройство

Автоматизация и роботизация продолжают оказывать влияние на взаимодействие между людьми и, в частности, начнут массово использоваться в сфере услуг, когда «машины <...> станут ездить сами, магазины откажутся от традиционной офлайн-модели, а жизнь станет более комфортной». Впрочем, респонденты также с тревогой говорили о возможных последствиях этих явлений для социума, предвещая различные общественные волнения и беспорядки.

Сопряженность

Если попробовать резюмировать выводы, сделанные по итогам всего многообразия проведенных фокус-групп, одним словом, то это слово «сопряженность». Для респондентов высшее образование перестало быть чем-то, ответственность за что полностью лежит на вузах. Вузы неразрывно связаны со студентами, которые активно участвуют в выстраивании собственного образовательного маршрута. Кроме того, глобальные процессы нужно рассматривать в связке с местными сообществами.

Студенты хотят совершенствовать себя в сфере коммуникации и кооперации, чтобы добиваться успехов в пронизанном технологическими взаимосвязями мире, предполагающем обучение на протяжении всей жизни. Люди должны будут постоянно совершенствовать навыки, чтобы оставаться востребованными и не теряться на постоянно изменяющемся рынке труда. Респонденты осознают свою роль в системе высшего образования, хотят научиться лучше учиться и внести максимальный вклад в развитие как глобального, так и местных сообществ.

Проведенные фокус-группы позволили понять связанные с будущим надежды и опасения современных студентов, которых просили задуматься о перспективах на 2050 год. Следующий важный вопрос заключается вот в чем: а готовы ли университеты прислушаться к мнению студентов о будущем высшего образования?

.....

Гуманитарное образование широкого профиля: противоречивые тенденции и новые скандалы

Мэри-Эллен Бойл

*Мэри-Эллен Бойл — доцент Университета Кларка (Вустер, штат Массачусетс, США).
E-mail: mboyle@clarku.edu.*

Гуманитарное образование широкого профиля (иногда еще говорят «свободные искусства», «свободные искусства и науки») стремительно набирало популярность на протяжении первых двадцати лет текущего века с динамичностью, которая не спадает и по сей день. Открываются и закрываются новые учебные заведения и программы; создаются и распускаются новые профессиональные ассоциации; публикуются книги и проходят конференции, позволяющие критически взглянуть на происходящее и дающие полезную практическую помощь. Динамика развития гуманитарного образования отличается высокой степенью дифференциации и политизации: вузы стремятся подчеркнуть свои отличительные характеристики и дистанцируются от американской модели по мере разработки новых, местных подходов и на фоне того, что западные ценности все чаще подвергаются сомнению.

Что такое гуманитарное образование широкого профиля и где его получить?

Гуманитарное образование широкого профиля проще всего объяснить от обратного: это альтернатива специализированному и профильному послешкольному образованию. Иногда это путают с общеобразовательной подготовкой, однако изучение свободных искусств и наук дает многосторонние мультидисциплинарные знания и способствует укреплению различных интеллектуальных способностей, таких как критическое мышление, коммуникационные навыки, находчивость, умение учиться, способность решать различные задачи и социальная ответственность. Используются интерактивные методики преподавания и личностно-ориентированный подход. Все эти характеристики встречаются во всех странах, регионах и культурах, принявших философию свободных искусств и наук, то есть разные общества пришли к согласию по ключевым вопросам в этой области. Хотя вышеперечисленные характеристики сами по себе лишены какой-либо политической окраски, словосочетание «свободные искусства» ассоциируется

со свободой и возможностью выбора, а это ценности, которые не везде в мире вызывают энтузиазм. Отсюда все споры.

Если ориентироваться на приведенное выше определение, то сейчас за пределами США можно насчитать более 200 учебных заведений и программ в сфере свободных искусств и наук, а на рубеже XX–XXI веков их было всего около сотни. Этот рост, происходящий в основном (но не только) за счет Азии (во главе с Китаем), можно списать на непрекращающуюся массовизацию высшего образования и последовательную дифференциацию этого сектора в целом. Гуманитарное образование широкого профиля получило распространение в самых разных местах, включая Аргентину, Гану, Германию и ОАЭ, и встречается уже примерно в 60 странах. В большинстве случаев заметно очевидное влияние США, однако есть и примеры развития такого образования с отсылкой к европейским, исламским, конфуцианским традициям или же и вовсе в контексте современного инновационного подхода. Впрочем, некоторые вузы свернули свои образовательные программы в сфере свободных наук и искусств или вообще прекратили свое существование, что в большинстве случаев было связано с политическими, финансовыми проблемами и/или проблемами управления.

Динамичность и рост рассматриваемого сектора привлекли огромное внимание со стороны исследователей. Появляется все больше статей, посвященных таким щекотливым вопросам, как гуманитарное образование и политика, ведь свободные науки и искусства преподаются даже в авторитарных странах. Встречаются сравнительные исследования о различиях между странами и в пределах отдельных стран, а также педагогические исследования о том, как возвращать в студентах интеллектуальные качества, которые ассоциируются с гуманитарным образованием широкого профиля.

Противоречивые тенденции: конвергенция и дифференциация

Несмотря на резкое повышение числа программ в сфере свободных наук и искусств в последнее время, в обозримом будущем эта предметная область вряд ли обгонит по масштабам сектор профильного высшего образования. С другой стороны, таких программ так много и они настолько заметны, что вполне можно анализировать их влияние. Включая гуманитарное образование широкого профиля в свой образовательный пакет, национальные системы высшего образования становятся в большей мере похожи друг на друга, то есть наблюдается конвергенция. Многочисленные исследования показывают, что слово «свободные» в словосочетании «свободные науки и искусства» не пустой звук: представители этого направления действительно пытаются преподавать по-другому, учиться на опыте коллег, ориентировать своих студентов

на успех в самом широком понимании. На глобальном уровне конвергенция только усиливается за счет создания международных ассоциаций и сетей вузов, предлагающих образование в сфере свободных наук и искусств. Впрочем, эти глобализационные тенденции постепенно сменяются тенденциями региональной конвергенции и дифференциации.

Исследователи и практики пользуются геополитической терминологией для описания применяемых в разных странах подходов к свободным наукам и искусствам. Обычно выделяют три региона в самом широком их понимании: Европу, Азию и США. Данные геополитические обозначения встречаются в заголовках книг и статей, а также в названиях профессиональных ассоциаций регионального уровня, сетей, блогов. Можно выделить следующие характеристики региональной конвергенции.

- Европейская образовательная «новая волна» ориентируется на потребности элиты, опирается на традиции и стремится к высочайшим стандартам качества. Для европейских программ характерна многоязычность и ориентированность на науку. Есть методические принципы, разработанные в рамках программы «Эразмус».
- Азиатский подход — утилитаристский и международный, призван удовлетворить потребности экономических систем, где ощущается нехватка предпринимательского духа, находчивости и способности быстро приспосабливаться к меняющемуся миру. Процветают инновационные исследования.
- Американское понимание свободных наук и искусств можно охарактеризовать как демократичное и инклюзивное, его основные свойства — полемичность, вовлеченность, разнообразие. Часто идут разговоры о якобы закате свободных наук и искусств в США.

Несмотря на резкое повышение числа программ в сфере свободных наук и искусств в последнее время, в обозримом будущем эта предметная область вряд ли обгонит по масштабам сектор профильного высшего образования.

Примечательно, что европейский и азиатский подходы распространены в пределах соответствующих географических регионов. А гуманитарное образование широкого профиля на американский манер, наоборот, продвигается как в самих США, так и за их пределами. Вузы американского образца, существующие за пределами США, — незатейливый экспортный продукт, создаваемый в попытках воспроизвести американский подход к образованию, поддерживаемый американскими организациями (в плане аккредитации программ, соглашений о сотрудничестве, финансирования) и направленный на распространение американских идеалов. Можно выделить несколько категорий подобных вузов: университеты и колледжи, в чьих названиях прямо содержится слово «американский», — такие есть в 50 странах; вузы, получившие аккредитацию соответствующих американских агентств; филиалы американских вузов / резонансные партнерские проекты. Некоторые из этих форпостов американской культуры превратились в очаги политической напряженности, о чем мы поговорим далее.

Независимо от географического положения и присутствия американского влияния, в сфере гуманитарного образования широкого профиля все в большей мере наблюдается дифференциация на уровне отдельных программ/вузов. Вариативность программ, можно сказать, безгранична и отражает различия в национальных приоритетах, интересах создателей, опыте преподавателей и сотрудников вузов, а также учащихся и их семей. Для примера: где-то гуманитарное образование широкого профиля стало частью программы многопрофильных исследовательских университетов (Гонконг, Нидерланды), где-то развивается в качестве эксперимента в рамках уже существующих государственных вузов (Аргентина, Чили), где-то оно выросло на базе местной религиозной традиции (Индонезия, Израиль), где-то — совершенно самостоятельно (Гана, Италия). Тематический спектр программ тоже очень широк: от великой литературы до изменения климата, от мировых языков и культур до этичного управления и т.д. На практике подобное многообразие отражает пластичность этой образовательной сферы, которая, впрочем, обладает набором базовых свойств.

Политизация и скандалы

Хотя в сфере свободных наук и искусств нет никаких строго регламентированных моделей и речь скорее про некую философию, идеалы этого образовательного подхода прочно ассоциируются с Западом, в частности с традиционными для США представлениями об академической свободе и демократических процессах. Однако западные ценности все чаще становятся объектом критики по мере расширения географического присутствия свободных искусств и наук и изменений в глобальной расстановке сил. Резонансные изменения в рассматриваемом секторе образования несколько раз за последнее время делали его объектом мирового внимания: сначала неожиданно было свернуто

сотрудничество между Йелем и Национальным университетом Сингапура (об этом пишет Хо-Юн Лок в текущем выпуске «Международного высшего образования»), потом российские власти закрыли образовательную программу американского Бард-колледжа, Центрально-Европейский университет вынужден был переехать из Венгрии в Вену, а Американский университет Афганистана — и вовсе резко закрыться. Сужение поля деятельности в Китае, связанное с Программой Фулбрайта и Института Конфуция, тоже вызвало вопросы и разногласия, причем не только относительно гуманитарного образования. Такое образование подвергается все новым ударам по мере того, как силу набирают авторитарные политические режимы.

Впрочем, хотя вышеперечисленные случаи прекращения сотрудничества с США невозможно не заметить, ситуация отнюдь не везде обстоит именно так. Филиал Нью-Йоркского университета в Абу-Даби с энтузиазмом отметил свой десятилетний юбилей; по-прежнему отлично развивается сотрудничество между Университетом Дьюка и Уханьским университетом в китайском Куньшане, а Гарвард продолжает активно поддерживать Фулбрайтский университет во Вьетнаме. Появляются и новые проекты, в частности в Непале и на Сицилии, которые развиваются при содействии экспертов из американских университетов и других ветеранов международного высшего образования. Влияние США ослабевает, и все чаще можно услышать о намерении адаптировать американскую модель гуманитарного образования широкого профиля к местным условиям. Некоторые из тех, кто ратует за дальнейшее развитие свободных наук и искусств, хотели бы выработать новую терминологию, без слова «свободные» — из-за его размытости и из-за политических коннотаций. Аналогичным путем пошел филантроп Джордж Сорос, который финансово поддерживает Сеть университетов Открытого общества во главе с Бард-колледжем и их международных партнеров в сфере гуманитарного образования и открыто ставит своей целью «противодействовать поляризации путем содействия международному сотрудничеству в сфере науки и образования для анализа проблем с различных точек зрения».

Подобная эволюция подходов и терминологии вполне укладывается в теорию образовательного трансфера, согласно которой культура, которая заимствует какие-то привнесенные извне идеи и практики, со временем оспаривает их (и берет под собственный контроль). Более того, подобный ход событий указывает на гибкость и устойчивость образовательного сектора в целом: он умеет относительно быстро и оригинально подстраиваться сообразно обстоятельствам. С другой стороны, негативная политическая реакция была, пожалуй, неизбежна, если учитывать усиление авторитарных режимов по всему миру и ослабление влияния США.

Усиление политизации и новые скандалы — не единственная проблема, которая стоит перед мировым

сектором гуманитарного образования широкого профиля. Чтобы полноценно оценить ситуацию, нужно учитывать последствия пандемии COVID-19: в результате резкого сокращения студенческой мобильности многие программы, чья финансовая стабильность зависела от международных студентов, лишились дохода и вынужденно урезаются. Из-за ограничений на международные передвижения многие вдруг заинтересовались образовательными возможностями поближе к дому, что привело в ряде случаев к неожиданно резкому притоку абитуриентов. Пандемия также подстегнула спрос на онлайн-образование и гибридные формы обучения, что стало дополнительным вызовом для вузов и программ, которые делали ставку на очное обучение с проживанием в кампусе.

В общем, гуманитарное образование широкого профиля уже стало мировым феноменом, который привлекает инвестиции и внимание исследователей и постоянно эволюционирует. Несколько резонансных скандалов с закрытием вузов или программ недостаточно, чтобы внести хаос в сектор в целом, поскольку вузов и программ в мире очень много, они очень разные и взаимосвязаны между собой. А сопротивление переменам неизбежно, и наблюдать за этим очень поучительно, потому что это позволяет нам оставаться в курсе угроз неонационализма и не дает забыть о длинной руке Китая.

В Индии грядет волна популярности гуманитарного образования

Пушкар

*Д-р Пушкар — руководитель некоммерческой ассоциации «Международный центр Гоа» (деревня Дона-Паула, штат Гоа, Индия).
E-mail: pushkar@incentgoa.com.*

Эта статья отражает исключительно личные взгляды автора.

Уже многое явно указывает на то, что в 2020-х годах и индийское высшее образование охватит волна популярности свободных искусств и наук. Это наглядно видно на примере успешного Ашוקского университета и появляющихся аналогичных новых частных вузов, делающих ставку на гуманитарное образование широкого профиля и даже предлагающих бакалаврские программы по этому направлению. Среди других

заметных знаков — недавние инициативы ряда ведущих государственных вузов страны, включая некоторые отделения сети Индийских технологических институтов, Индийских институтов информационных технологий и Индийских институтов управления, по запуску новых бакалаврских программ, сочетающих профильные курсы в области инженерного дела или менеджмента с гуманитарными курсами.

Индийский технологический институт Бомбея запустил уникальную [программу по свободным наукам и искусствам и инженерному делу \(LASE\)](#). Индийский технологический институт Дели — программу [бакалавриата по информатике и социальным наукам](#). Индийский институт управления в Бангалоре готовится открыть [бакалавриат по направлению «Свободные искусства»](#). И хотя само появление подобных инициатив явно указывает на то, что Индию захватывает волна популярности гуманитарного образования, самый главный знак перемен — это рекомендации, содержащиеся в [Национальной образовательной стратегии \(NEP\) 2020 года](#), которая, по сути, узаконила эту тенденцию. Пусть это не прописано в итоговом документе напрямую, но из версии 2019 года очевидно, что индийское правительство хочет уделить больше внимания свободным искусствам и наукам, под чем в Индии понимается в основном многопрофильное образование, и тем самым повысить низкие на данный момент показатели занятости среди выпускников вузов.

NEP-2020 и гуманитарное образование

Бакалавриат в индийских вузах традиционно представляет собой трехгодичную узкоспециализированную программу по одному конкретному направлению, не предусматривающую для студентов возможности выбирать множество разнообразных дополнительных курсов, которые бы выходили за рамки основной специализации. Это означает, что студенты получают глубокие знания в одной предметной области и практически никаких знаний в других сферах, если только они сами не предпринимают для этого какие-то усилия. Стратегия NEP-2020 предполагает переход от нынешней системы к системе четырехгодичного многопрофильного бакалавриата.

В посвященном высшему образованию разделе этого документа в качестве основной проблемы сектора называются «жесткие разграничения между дисциплинами, ранний выбор специализации и распределение учащихся на узкопрофильные потоки». В качестве решения предлагается «полная ревизия и оздоровление системы высшего образования», в том числе «сдвиг в сторону многопрофильного бакалаврского образования». В качестве подкрепления необходимости этого сдвига приводятся примеры древних индийских университетов, таких как Такшашила и Наланда, и множества древних научных текстов междисциплинарного характера. В стратегии также подчеркивается, что «нужно вернуть в индийскую систему высшего образования элемент ознакомления с разнообразными гуманитарными

предметами или со “свободными искусствами”, как это называется в современном мире (то есть с гуманитарными науками в самом широком понимании)».

Еще в стратегии говорится о необходимости «комплексного и многопрофильного образования» для «вступления страны в XXI век и перехода к четвертой промышленной революции» и даже содержится призыв сделать все вузы многопрофильными к 2040 году — так, чтобы студенты инженерных специальностей изучали больше гуманитарных предметов, а студенты гуманитарного и, например, художественного направления были лучше знакомы с естественными науками.

Правительство одобрило стратегию NEP-2020 в самый разгар пандемии COVID-19, вот почему федеральные власти и власти штатов не сразу смогли приступить к реализации содержащихся в ней рекомендаций, в том числе тех, которые касаются многопрофильного образования. К примеру, созданная властями штата Махараштра специальная комиссия из 18 человек под руководством известного ученого д-ра Р. А. Машелка лишь недавно опубликовала [доклад](#), в котором прописаны сроки предполагаемого выполнения рекомендаций национальной стратегии.

В стратегии говорится о необходимости «комплексного и многопрофильного образования» для «вступления страны в XXI век и перехода к четвертой промышленной революции».

Зачем вообще нужно гуманитарное образование?

Одна из ключевых задач, которые сейчас стоят перед индийской системой высшего образования, — как обеспечить изрядное (и постоянно увеличивающееся) число студентов в стране массовым образованием сносного качества, причем так, чтобы эти люди потом могли найти работу. В 2012/13 учебном году в вузах страны училось 30,2 миллиона студентов, к 2019/20 году их число достигло 38,5 миллиона, но, как ни прискорбно, уровень занятости среди выпускников вузов продолжает держаться ниже 50%.

Хотя в стратегии NEP-2020 не написано в открытую, что одно из основных соображений, почему Индии рекомендуется перейти к системе многопрофильного

образования, связано с необходимостью повысить уровень занятости среди людей с высшим образованием, это вполне четко и несколько раз прописано в более подробной и объемной версии 2019 года. Там утверждается, например, что «задача гуманитарного образования широкого профиля — не просто подготовить человека к его первой работе, но также ко второй, к третьей и так далее; с учетом грядущей четвертой индустриальной революции и стремительно меняющегося рынка труда гуманитарное образование становится важнее и нужнее с точки зрения трудоустройства, чем когда бы то ни было».

Интересные выводы о карьерных перспективах выпускников в условиях нынешней системы можно сделать, прочитав доклад [India Skills Report](#) 2021 года. В среднем работодатели считают лишь 45,9% выпускников вузов профпригодными и готовыми к выходу на рынок труда; выше всего этот показатель среди выпускников инженерных специальностей (46,8%) и среди тех, кто получил степень магистра делового администрирования (46,6%). Однако всего 12,6% учащихся в стране изучают инженерные и технические науки. Любопытно, что представители художественных специальностей не так уж сильно отстают от своих сверстников, изучавших инженерное дело или бизнес-администрирование: 40,3% из них считаются профпригодными, в отличие от всего лишь 30% выпускников естественно-научных программ. Это важные цифры, потому что гуманитарным, общественно-научным и художественным специальностям учатся 32,7% студентов бакалавриата, 16% студентов получают естественно-научное образование, а 14,9% — образование, связанное с коммерцией.

Относительно высокий уровень профпригодности среди выпускников художественных и гуманитарных специальностей — хороший знак для индийской молодежи, но ее положение станет еще лучше по мере повышения ее востребованности на рынке труда. В то же время ясно, что студенты естественно-научных специальностей, скорее всего, выиграли бы, если бы изучали больше гуманитарных предметов.

Как бы там ни было, ситуация, когда профпригодными считаются менее половины выпускников вузов, указывает на то, что Индия в глубоком кризисе. И хотя этот показатель немного вырос за последние годы (в 2015 году он составлял 37,2%), неутешительный факт заключается в том, что он по-прежнему не дотягивает и до 50%.

Главная задача — повысить качество образования

Однако центральный вопрос в индийском высшем образовании не о том, может ли гуманитарное образование содействовать повышению уровня занятости среди выпускников или может ли оно помочь стране вступить в XXI век, и если да, то как; главный вопрос — какие шаги индийские университеты должны

предпринять для всеобъемлющего повышения качества образования, что, в свою очередь, наверняка приведет к улучшению профпригодности выпускников и показателей занятости. Пока, например, опрометчиво предполагать, что степень профпригодности 70% выпускников естественно-научных специальностей, которые в настоящий момент считаются профнепригодными, заметно повысится, если они прослушают по несколько курсов по гуманитарным предметам.

Смещение акцента в пользу многопрофильного образования, безусловно, заслуживает одобрения, но одного этого фактора недостаточно для существенного повышения профпригодности и уровня занятости выпускников вузов. Эти показатели улучшатся только в случае масштабных изменений, таких как улучшение системы управления в университетах, реформа регулятивных органов, повышение автономии вузов, привлечение более квалифицированных преподавателей и т.д. Конечно, в стратегии NEP-2020 содержатся рекомендации провести подобные реформы. Там написано, например, что «нужно наделить правление вуза полномочиями, которые бы позволяли ему управлять вузом без какого бы то ни было внешнего вмешательства, утверждать кадровые назначения, в том числе на должность главы вуза, и принимать другие организационные решения». Однако каждый, кто хоть немного знаком с тем, как государственные университеты в Индии организованы и работают на самом деле, понимает, насколько мала вероятность того, что ректоров и впрямь будут назначать без всякого политического вмешательства. Нельзя наивно считать, что все изменится, раз так написано в новой стратегии.

В отсутствие глубинных, фундаментальных изменений в системе управления индийскими университетами грядущая многообещающая волна популярности гуманитарного образования вряд ли принесет индийским студентам большую пользу.

Заккрытие Колледжа Йеля и Национального университета Сингапура: неясные причины, ясные последствия

Хо-Юн Лок

Хо-Юн Лок — редактор журнала *Higher Education in Southeast Asia and Beyond (HESB)*.

E-mail: hoeyong@gmail.com.

Эта статья отражает исключительно мнение автора, а не официальную позицию какой-либо из организаций, с которыми он аффилирован.

В конце августа 2021 года Национальный университет Сингапура (НУС) объявил о том, что открытый им совместно с Йелем колледж станет частью одной из бакалаврских программ НУС — чем-то вроде существующих в США программ факультативного образования для студентов бакалавриата — и что к 2025 году на этой основе будет сформирован новый колледж. Практически все поняли, что фактически речь идет о закрытии первого и единственного в Сингапуре колледжа свободных искусств и наук, тем более что Йельский университет явно решил самоустраниться из этого предприятия. Многих эти новости удивили и оставили с ощущением недосказанности.

Три сюрприза

Во-первых, непонятно, почему такой успешный вуз вдруг закрывается. Он был успешен по всем параметрам — от показателей трудоустройства выпускников до размеров эндаумента, которому могли бы позавидовать даже американские колледжи с многовековой историей. Перед нами уникальный случай «институционального самосожжения», как выразился один наблюдатель.

Не менее поразительна хаотичность, с которой распространялась эта новость. Глава колледжа рассказал, что он был «ошарашен и смятен», когда ему — по факту и вообще в последнюю минуту — рассказали о решении закрыть вуз. Студенты отреагировали неожиданно бурно. Они были удручены тем, что с ними не проводилось никаких предварительных консультаций, что их даже никто заблаговременно не предупредил о грядущем закрытии. Многие чувствуют себя обманутыми, ведь они предпочли колледж в Сингапуре престижным зарубежным вузам. А им скоро выходить на рынок труда и придется указывать в своих резюме вуз, который канул в Лету. Все это просто не вяжется ни у кого, независимо от политических

предпочтений, с общепринятыми представлениями о сингапурской организованности и порядках.

Но еще удивительнее, пожалуй, тот факт, что публике так и не предложили никакого убедительного объяснения. Естественно, стали звучать опасения насчет отсутствия в Сингапуре академической свободы. Кроме того, многие стали сомневаться в финансовой устойчивости характерного для ныне закрытого колледжа элитного формата обучения, когда на одного преподавателя приходится всего несколько студентов. Как бы там ни было, просто не укладывается в голове, что на заре сотрудничества с Йельским университетом обычно такие прозорливые сингапурские власти могли не знать, что подразумевается под образованием в сфере свободных искусств и наук. Не менее трудно представить себе, что власти позволили бы этому проекту и дальше развиваться такими же семимильными шагами, как до этого. Вот почему Скотт Энтони из Наньянского технологического университета предположил в своей статье в *Times Higher Education* от 10 сентября 2021 года, что самое правдоподобное объяснение произошедшего связано с «аппаратными интригами» в НУС.

...публике так и не предложили никакого убедительного объяснения.

Академическая свобода, студенческий активизм?

В 2019 году колледжу пришлось отменить заявленный ранее курс одного сингапурского драматурга про инакомыслие и свободу слова под предлогом, что он «неакадемичен» и может подвергнуть студентов «юридическим рискам». Было решено, что этот курс может провоцировать студентов к протестам. Этот инцидент часто припоминают те, кто утверждает, что колледж закрылся из-за проблем с академической свободой. Однако в 2017 году студенты сами организовывали одно мероприятие, в рамках которого они пригласили выступить по скайпу Джошуа Вонга — активиста из Гонконга, боровшегося за демократию, и то мероприятие прошло как по маслу, хотя его, пожалуй, можно было бы считать гораздо более провокационным, чем какой бы то ни было учебный курс про свободу слова и инакомыслие. После того как один сингапурский активист провел аналогичный разговор с Вонгом по скайпу в рамках одной общественной конференции (то есть вне колледжа), он оказался в суде по обвинению в проведении несогласованного «публичного мероприятия».

Неудивительно, что после того случая в обществе усилились опасения насчет закручивания гаек в отношении академической свободы и свободы слова в целом. Примерно через месяц после этого стало известно о закрытии совместного колледжа Йельского университета и НУС, правительство при поддержке сверхквалифицированного большинства голосов в парламенте ввело новый закон о мерах противодействия иностранному вмешательству. Этот закон предусматривает огромные штрафы и даже реальные сроки за «политическое разращение сингапурцев». Некоторые слои академического сообщества раскритиковали новый закон за размытость формулировок, из-за которых власти теоретически могут покуситься даже на такие безобидные виды академической деятельности, как выступление на зарубежных конференциях.

В духе реализации свойственного свободным искусствам и наукам образовательного подхода, ориентированного на идеалы свободы, студентам совместного колледжа дозволялось больше в плане политического активизма, чем их сверстникам — студентам НУС. Однако было очевидно, что между властью и имущими идет постоянная подковерная борьба относительно того, какие свободы и какие формы студенческого активизма допустимы в колледже, а какие нет.

Финансовая стабильность?

Официально ректор НУС и министр образования объясняют закрытие колледжа и его слияние с НУС финансовыми соображениями, а не желанием пресечь академическую свободу. Руководство НУС также выдвигало аргументы насчет расширения доступности гуманитарного образования для большего числа студентов и укрепления междисциплинарных связей. Но студенты совместного колледжа Йельского университета и НУС опровергают эти доводы. Если эти соображения настолько важны, то почему же, интересуются студенты, руководство НУС так пока ясно и не изложило финансовые условия обучения в новом колледже, который придет на смену прежнему, или не ввело принципиально новые правила отбора абитуриентов?

Все это также дисгармонирует с другими процессами, происходящими в сингапурском высшем образовании. Например, в первой половине 2021 года было объявлено о создании нового художественного вуза. Это будет частный университет на базе существовавших ранее двух художественных вузов, отчасти финансируемый правительством. Причем вряд ли этот новый вуз окажется финансово более устойчивым, чем первый в стране колледж свободных искусств и наук, созданный двумя первоклассными мировыми университетами.

Вспоминая Наньянский университет

В связи с закрытием совместного колледжа Йельского университета и НУС вспоминается другой, на удивление похожий эпизод из истории сингапурского

высшего образования, который может помочь сделать некоторые выводы.

В 1980 году Наньянский университет был присоединен к Сингапурскому университету. Студенты и выпускники Наньянского университета восприняли это не иначе как закрытие и чувствовали себя униженными властями. Последовала бурная негативная политическая реакция, потому что Наньянский университет имел огромное значение для китайскоязычных жителей Сингапура — для сообщества, которое традиционно придерживалось левых взглядов и, соответственно, в политическом плане противостояло правительству. Предыдущий лидер оппозиции в сингапурском парламенте — один из последних выпускников Наньянского университета — говорил, что именно события 1980 года подтолкнули его заняться политикой.

Возможно, подобное историческое сравнение носит слишком идеализированный характер. Все-таки Наньянский университет олицетворял целое сообщество, целую группу избирателей, с которыми страна должна была считаться, в то время как круг людей, связанных с Колледжем Йеля и НУС, на самом деле довольно-таки узок. Но суть в том, что закрытие Наньянского университета — в некотором роде прецедент, последствия которого так и подмывает экстраполировать на ситуацию 2021 года.

Вскоре после закрытия Наньянского университета принадлежавшие ему здания были переданы в распоряжение совершенно нового вуза, причем вуза совсем другого типа. Изначально это был инженерный институт, и власти не жалели ни сил, ни ресурсов на его развитие. По сути, это был такой политический проект правительства, которое пыталось таким образом оправдать закрытие Наньянского университета, а власти утверждали, что китайскоязычных выпускников Наньянского университета ждут плохие перспективы на рынке труда. Теперь на его месте Наньянский технологический университет — он уже заработал широкую мировую славу, добившись высоких мест в региональных и международных рейтингах, и все это меньше чем за 40 лет. И за пределами Сингапура уже мало кто знает что-то про «изначальный» Наньянский университет. Так что нетрудно предположить, что и совместный колледж Йельского университета и НУС скоро тоже будет забыт, а его преемник добьется новых успехов и новой славы.

Главное, что нужно вынести из этой ситуации, — это не то, что закрытие вузов всегда сопровождается шумом и беспокойством. Главное — что если смотреть на ситуацию шире, то этот шум, скорее всего, быстро отойдет на задний план, ведь для широкой общест-венности, к сожалению, в высшем образовании есть вещи поважнее академической свободы или институциональной идентичности.

Появление, отступление, обновление: коммерческие вузы в США

Ричард Гаррет

*Ричард Гаррет — директор по исследованиям американской исследовательско-консалтинговой компании Eduventures (Encoura).
E-mail: rgarrett@eduventures.com.*

В некоторых странах (как правило, в богатых) коммерческое высшее образование — это оксюморон: считается, что стремление к прибыли несовместимо с педагогической этикой и соображениями благополучия студентов. Нормой считается государственное высшее образование. А коммерческих вузов (если они вообще дозволяются) обычно немного, они занимают маргинальное положение и носят узкоспециализированный характер. Однако во многих странах с переходной экономикой зачастую именно коммерческие вузы оказываются в авангарде процесса расширения системы высшего образования, именно за их счет наращивается потенциал системы, на что ни у государственных, ни у некоммерческих вузов не хватает ресурсов. Интересно рассмотреть в этом контексте пример США — государства с типичной для богатой страны системой высшего образования в полном смысле слова. В XXI веке коммерческие вузы в США успели сделать рывок, потом ретировались и сейчас находятся в процессе обновления.

В 2000 году в США на коммерческие вузы (преимущественно небольшие учебные заведения регионального уровня, дающие практико-ориентированное образование короткого цикла, не предполагающее получения диплома о высшем образовании) приходилось всего 6% студентов колледжей. К 2010 году количество учащихся таких вузов более чем утроилось и достигло 2,1 миллиона студентов, многие из которых уже учились на бакалаврских программах.

Что изменилось?

Коммерческие вузы обратили внимание на социально ущемленные группы, которые до этого никто не принимал в расчет, — например, на работающее население, испытывающее материальные проблемы и социальное давление из-за отсутствия образования, — и предложили этим людям подходящие для них практико-ориентированные образовательные программы. Многие традиционные колледжи и университеты тоже так или иначе работали с подобной целевой аудиторией, однако она всегда оказывалась оттеснена на второй план из-за более привычного, более тради-

ционного студенческого контингента. Коммерческие вузы тратили на маркетинг и рекламу гораздо больше, чем некоммерческие, и нередко использовали довольно агрессивную тактику продаж. Они преуспевали за счет того, что у них были хорошие помещения, а занятия проводились по вечерам и в выходные, к тому же коммерческие вузы первыми осознали потенциал онлайн-образования. Наиболее энергичные из них даже вышли на рынок послевузовского образования и стали развивать гибкие программы магистратуры и аспирантуры для молодых представителей таких относительно неконсервативных областей, как бизнес, информационные технологии, педагогика или сестринское дело.

В результате консолидации вузов сформировались корпорации с многомиллиардными оборотами и огромной прибылью. Среди них даже есть фирмы, которые котируются на бирже, например Apollo Group и DeVry. Коммерция набрала новые обороты после того, как правительство отменило запрет на выплату федеральной материальной помощи студентам заочных вузов и ослабило ограничения на размер вознаграждения агентств по привлечению абитуриентов. Некоторые коммерческие вузы стали злоупотреблять правилами выплаты материальной помощи студентам, которые разрабатывались еще до появления гигантских образовательных корпораций и стали источником легкой наживы для ряда недобросовестных организаций. Тот факт, что за погашение федеральных займов на образование отвечают сами студенты, а не вузы, свел к минимуму для коммерческих вузов риски, связанные с зачислением сомнительных абитуриентов.

Расцвет коммерческого сектора пришелся на конец первого десятилетия текущего века, как раз в тот момент, когда мировой финансовый кризис достиг своего пика. Воодушевленные поддержкой медийных персон и чиновников, убежденных в том, что традиционные вузы нуждаются во встряске, коммерческие вузы стали позиционировать себя в условиях экономического спада как учебные заведения, дающие наиболее востребованное и отвечающее потребностям времени образование. К 2010 году доля американских студентов, обучавшихся в коммерческих частных вузах, достигла 13%. Было полное ощущение, что коммерческие вузы ждут дальнейший рост, так что многие некоммерческие вузы стали опасаться за свои доходы и позицию на рынке.

Замедление

Однако к 2019 году от коммерческих вузов в США осталась только тень. Интерес к коммерческим вузам, некогда казавшимся многообещающими (они сулили новым, испытывающим нехватку времени абитуриентам качественное образование и карьерный рост), постепенно исчерпал себя, по мере того как стало понятно, что у них очень высокий уровень отсева

и сомнительного качества образование, к которому работодатели относятся со скепсисом. Многие студенты из социально незащищенных слоев населения (главным образом представители меньшинств) остались ни с чем, если не считать мало кем признаваемые зачетные единицы и ворох долгов. Стали известны случаи отъявленного мошенничества.

Эта новая тенденция усугубилась на фоне ужесточения федерального законодательства при президенте Обаме: правила, касающиеся распределения финансовой помощи студентам, стали более строгими; повысились требования к бизнес-модели коммерческих вузов, а также требования относительно конечных результатов обучения. Усилился федеральный надзор за организацией, выдавшей аккредитации ряду крупных и особенно нестабильных коммерческих вузов. Некоторые крупные игроки этого рынка, включая компании Corinthian Colleges, ITT и Education Management Corporation, разорились, что подпортило отношение к ним потребителей и СМИ и бросило тень на имидж коммерческого высшего образования в целом.

Рекордный экономический подъем, начавшийся после мирового экономического кризиса и продолжавшийся вплоть до пандемии COVID-19, сопровождался сокращением безработицы до исторического минимума и привел к сокращению рынка высшего образования для работающего населения. Количество таких студентов упало менее чем за 10 лет на 20%, и это несмотря на то, что размер соответствующей группы населения в целом не менялся.

Усилилась конкуренция со стороны некоммерческих вузов. Обеспокоившись успехом коммерческих вузов и отдавая себе отчет в неизбежном сокращении притока обычных абитуриентов из-за снижения рождаемости, многие некоммерческие колледжи и вузы стали пользоваться тактиками, подсмотренными у конкурентов из коммерческого сектора. Вещи, которые некогда были свойственны исключительно коммерческим вузам (учет интересов и потребностей взрослой и работающей аудитории, цифровой маркетинг, онлайн-образование), приобрели массовый характер. В конце 2010-х годов крупнейшими вузами, ориентированными на взрослую аудиторию и предлагающими дистанционное образование, стали некоммерческие Университет западных губернаторов и Университет Южного Нью-Гэмпшира, отобрав это звание у коммерческих Университета Феникса и Университета Эшфорда.

**Однако к 2019 году
от коммерческих вузов
в США осталась только тень.**

Даже в коммерческих вузах высшего уровня, ориентированных на подготовку бакалавров, число студентов уменьшилось вдвое и опустилось ниже 600 тысяч, а в вузах низшего дивизиона количество студентов упало ниже отметки 200 тысяч. Магистрантов и аспирантов в коммерческих вузах тоже стало меньше, но не так резко. Коммерческие вузы с существенной долей магистрантов и аспирантов в меньшей степени пострадали из-за репутационных проблем и трудностей с привлечением абитуриентов, нежели вузы, готовившие преимущественно бакалавров.

Что дальше?

Есть четыре траектории развития. Первая — переход в некоммерческий статус. Некоторые из крупнейших коммерческих вузов решили, что коммерческий статус — залог уязвимости. В ряде случаев, как, например, в случае Университета Гранд-Каньона, изначальная коммерческая структура разделилась на две части: на некоммерческое учебное заведение и коммерческую обслуживающую компанию. В других случаях, как произошло, к примеру, с Университетом Каплана, ставшим Purdue Global, коммерческое учебное заведение было продано по номинальной стоимости крупному государственному университету, причем само учебное заведение было сохранено и продолжило работу на условиях долгосрочного сервисного договора. Время покажет, останутся ли законодатели и студенты удовлетворены подобными изменениями.

Второй вариант — переориентировка частного капитала в сторону бизнеса по управлению онлайн-программами (OPM, или online program management). Компании, специализирующиеся в этой области, например 2U и Wiley, сотрудничают с некоммерческими вузами, помогая им разрабатывать и внедрять программы онлайн-образования. Традиционные университеты и коммерческие организации взаимодополняют друг друга и работают вместе, деля прибыль, что дает инвесторам возможность выйти на рынок высшего образования без необходимости заниматься наймом преподавателей и привлечением абитуриентов.

Третий путь можно назвать одним из вариантов модели OPM: он заключается в смещении акцента коммерческих вузов и OPM-компаний с программ полного цикла, предполагающих получение диплома о высшем образовании, на краткосрочные программы, завершающиеся получением сертификата. Компании Coursera и edX, (приобретенная 2U), крупнейшие в США платформы в сфере массового онлайн-образования, развивают свой бизнес, помогая ведущим некоммерческим университетам создавать, продвигать и реализовывать онлайн-программы, которые позволяют получить сертификат об окончании, но которые нельзя зачесть в рамках традиционного обучения. Низкая рентабельность этой модели окупается за счет глобального охвата. В попытках наладить мосты между такими курсами и традиционными програм-

мами высшего образования в университетах-партнерах появляются также курсы, которые потом можно перезачесть.

Четвертая опция — самая малопонятная: обновление коммерческих вузов с целью возобновления работы по модели прямого общения с конечным потребителем. В сфере коммерческого высшего образования продолжается консолидация: например, произошло слияние Университета Капеллы и Университета Страйера, а компания Adtalem Global Education приобрела Университет Уолдена. В коммерческих вузах все большей популярностью пользуется обучение на основе компетентностного подхода, систематизация оценивания ранее приобретенных студентами знаний и персонализированный подход к повышению квалификации студентов, ведь такие вузы руководствуются в своей работе мантрой «скорость — экономическая отдача — клиентоориентированность». Университет Чемберлена, также принадлежащий концерну Adtalem и ставший крупнейшим в стране заведением по подготовке среднего медицинского персонала, стремится сочетать количество и качество. Это отражается в том, что его выпускники показывают на национальном сертификационном экзамене для будущих медсестер результаты выше среднего по стране. Во многих коммерческих вузах идут разговоры о пока не сформировавшейся полностью гибридной модели, объединяющей очное и онлайн-образование.

В 2020 году из-за пандемии большинство студентов по умолчанию перешло на онлайн-обучение, и американские коммерческие вузы впервые за десятилетие рапортовали об увеличении количества студентов. Коммерческие вузы неожиданно оказались в выигрыше благодаря тому, что у них уже был опыт работы онлайн, в то время как многие некоммерческие вузы в авральном режиме пытались наладить дистанционное обучение. Этот эффект недолговечен, но в любом случае ясно, что коммерческие вузы в США никуда не денутся. Пока доступность, стоимость и качество высшего образования остаются узкими местами американской образовательной системы, равно как и систем других стран с массовым или практически всеобщим высшим образованием, коммерческие соображения продолжат быть источником новых идей — иногда хороших, иногда плохих, иногда несущественных. Будущее покажет, останется ли 2010 год в истории коммерческого высшего образования в США пиковым с точки зрения его рыночной доли и количества студентов.

Всерьез и надолго: международная конкуренция за лучшие кадры и позиция США

Джек Корриган и Ремко Зветслот

*Джек Корриган — аналитик-исследователь
Центра безопасности и новых технологий
Джорджтаунского университета
(Вашингтон, округ Колумбия, США).
E-mail: jack.corrigan@georgetown.edu.*

*Ремко Зветслот — сотрудник Центра
стратегических и международных исследований
(Вашингтон, округ Колумбия, США).
Twitter: [@r_zwetsloot](https://twitter.com/r_zwetsloot).*

Международные аспиранты — одна из наиболее мобильных и высококвалифицированных категорий мигрантов в мире, а спрос на их профессиональные знания растет по мере усиления влияния новых технологий на глобальный экономический ландшафт и на вопросы обеспечения безопасности. Самым привлекательным направлением для этой группы остаются США: американские вузы ежегодно присуждают десяткам тысяч иностранцев степень PhD в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук.

Исследования показывают, что подавляющее большинство этих людей, вопреки всем опасениям насчет «обратной утечки мозгов», остается после получения диплома в США, что они запускают многообещающие стартапы, помогают укреплять инновационную экосистему страны и вносят положительный вклад в общество в целом. Однако существуют риски, что в будущем эти люди все чаще будут предпочитать другие страны Соединенным Штатам, если Америка не проведет иммиграционную реформу.

Иностранцы аспиранты в США

Странам, которые хотят выйти на передовые позиции в таких высокотехнологичных отраслях, как искусственный интеллект, микроэлектроника или синтетическая биология, нужна надежная и высокообразованная рабочая сила. Небольшую, но ключевую часть таких специалистов составляют обладатели степени PhD: они проводят исследования, расширяющие границы возможного в соответствующих областях, и готовят новые поколения ученых, предпринимателей и технических специалистов.

Многие из лучших и наиболее перспективных начинающих ученых со всего мира стекаются в США, и именно на них приходится существенная доля всех

присуждаемых американскими университетами степеней PhD. В период с 2000 по 2017 год около 42% всех дипломов PhD, выданных американскими вузами в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук, получили иностранцы, которых в абсолютных цифрах насчитывалось примерно 208 тысяч человек. Почти две трети от этого числа приходится на выходцев из всего лишь пяти стран/регионов: Китая (36%), Индии (14%), Ирана (6%), Южной Кореи (5%) и Европейского союза (5%). Иностранцы выбирают вышеперечисленные направления чаще своих американских сверстников: 70% всех иностранных аспирантов в США занимаются именно направлениями, связанными с естественными, техническими, инженерными и математическими науками, в то время как среди аспирантов-американцев таких лишь 34%. На некоторых программах, например по информатике, инженерному делу или математике, иностранные аспиранты стабильно [в большинстве](#).

Выпускники-иностранцы предпочитают оставаться в США

В последние годы некоторые американские политики все больше озабочены «обратной утечкой мозгов» на фоне увеличения числа иностранных студентов в США. [Эти люди полагают](#), что большинство выпускников вузов иностранного происхождения, в особенности китайские граждане, после получения диплома возвращаются на родину и используют полученные знания, чтобы подорвать экономику и безопасность США. Однако мы вместе с нашими коллегами из Центра безопасности и новых технологий Джорджтаунского университета и другими исследователями выяснили, что подавляющее большинство иностранцев, оканчивающих американские вузы, остается в США на долгие годы. Более того, китайцы, получающие образование в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук, чаще остаются в США, чем другие категории иностранных студентов.

Если говорить в общих чертах, есть два способа измерить долю иностранцев, оседающих в США: можно измерить долю тех, кто хотел бы остаться (сколько студентов утверждают, что хотели бы остаться в стране после получения диплома), и долю тех, кто остался на многолетний период (сколько выпускников действительно живет в США спустя некоторое количество лет после окончания обучения). Как бы там ни было, среди иностранных аспирантов, занимающихся естественными, техническими, инженерными и математическими науками, оба этих показателя довольно высоки.

Взглянув на самые свежие результаты проводимого Национальным научным фондом ежегодного исследования аспирантуры, [мы обнаружили](#), что среди студентов-иностранцев в области естественных, технических, инженерных и математических наук доля тех, кто хотел остаться в стране после получения диплома, составляла 82% (почти 72% среди иностранных аспи-

рантов в целом). Причем этот показатель стабильно рос или по крайней мере не уменьшался во всех естественно-научных, математических и инженерно-технических дисциплинах начиная с 2000 года.

Статистика подтверждает, что реальное поведение иностранных аспирантов вполне согласуется с их намерениями. Анализ результатов опроса выпускников аспирантуры Национального научного фонда за 2017 год, проведенный Центром безопасности и новых технологий, показал, что, по данным на февраль 2017 года, почти 76% всех иностранцев, окончивших американские вузы со степенью PhD в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук в период между 1998-м и 2015 годом, проживали в США. И хотя среди тех, кто окончил аспирантуру незадолго до опроса, доля резидентов США была в среднем выше, даже среди выпускников 2007 года и ранее доля осевших в США держалась примерно на уровне 75%. (Предварительный анализ данных аналогичного опроса за 2019 год не выявил существенных различий в доле осевших в США между различными группами. Центр безопасности и новых технологий готовится опубликовать более подробный анализ этих новых данных.) В [другом исследовании центра](#) была проанализирована другая выборка, куда вошли данные о выпускниках аспирантуры в сфере искусственного интеллекта, и оказалось, что 80% этих людей проживали в США даже спустя 5 лет после защиты диссертации.

Доля тех, кто оседает в США, очень зависит от гражданства. Примерно 90% граждан Индии и Китая утверждали, что хотят остаться в стране после окончания аспирантуры. Для сравнения: среди студентов из ЕС, Канады, Турции и других стран этот показатель варьировался на уровне 65–75%. В долгосрочной перспективе уровень осевших в США среди граждан Индии и Китая тоже оказывается выше среднего: по данным на февраль 2017 года, в США проживало более 90% граждан Китая и 86% граждан Индии, получивших степень PhD в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук в период с 1998 по 2015 год. Предварительный анализ результатов опроса 2019 года согласуется с более ранними выводами.

Стоит ли ожидать сокращения доли тех, кто оседает в США после учебы?

Однако не факт, что рассматриваемый показатель останется на прежнем высоком уровне. [Многие факторы](#) влияют на решение человека о том, оставаться ли ему в стране, где он отучился, или нет, и среди них, например, состояние экономики, а также социальная и культурная связь с родиной. На данный момент можно выделить два фактора, которые в ближайшие годы наверняка отрицательно скажутся на желании иностранцев оставаться в США после окончания вуза: рестриктивная американская иммиграционная политика и усиление международной конкуренции за лучшие кадры.

Примерно 90% граждан Индии и Китая утверждали, что хотят остаться в стране после окончания аспирантуры.

Высокообразованные люди с большой вероятностью покидают страны, где они сталкиваются с серьезными иммиграционными препятствиями, а в США даже востребованным специалистам бывает трудно оформить долгосрочное разрешение на проживание. Проведенный Центром безопасности и новых технологий в 2020 году [опрос](#) иностранцев, защитивших в США диссертацию в сфере искусственного интеллекта, показал, что более половины уехавших из страны по окончании учебы связывают свое решение «преимущественно» или «в некоторой степени» с иммиграционными трудностями. Даже среди тех, кто остался в США, 60% жалуются на то, что сталкиваются с серьезными проблемами при взаимодействии с американской иммиграционной системой. Особенно мрачно ситуация складывается для граждан Индии и Китая из-за [страновых квот и огромных задержек с рассмотрением документов](#), а ведь они составляют около половины от общего числа иностранцев, защищающих диссертации в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук.

В это время другие страны извлекли для себя выгоду из беспорядков американской иммиграционной системы. Канада, к примеру, целенаправленно стала принимать меры, чтобы переманить к себе лучшие международные кадры из США, и ее усилия, похоже, [оправдывают себя](#). А китайские наблюдатели [отмечают](#), что американская иммиграционная политика «помогла Китаю пополнить свой золотой фонд высококвалифицированных кадров». Американская иммиграционная система постоянно буксует из-за огромных задержек в работе и других проблем, в то время как другие страны делают все возможное для привлечения лучших международных кадров, так что велика вероятность, что в будущем иностранные выпускники аспирантуры американских вузов чаще будут уезжать за границу.

Технологии влияют на мировой геополитический и экономический ландшафт, и лидеры разных стран все чаще оценивают высококвалифицированные кадры в области естественных, технических, инженерных и математических наук как один из важнейших национальных ресурсов. Председатель КНР Си Цзиньпин [назвал](#) кадры «главным ресурсом», нужным для «независимого инновационного развития», а администрация президента Байдена [заявляла](#), что «победа в борьбе за лучшие кадры» нужна, чтобы добиться

«успеха в конкурентном мире». На данный момент США обладают большим конкурентным преимуществом в этой борьбе, потому что каждый год в страну съезжаются тысячи студентов, которые хотят защитить диссертацию в сфере естественных, технических, инженерных и математических наук и большинство из которых планирует осесть в стране по окончании учебы. Однако пока на фоне жарких дебатов об иммиграционной реформе неясно, удастся ли США сохранить за собой это преимущество или нет.

Риски использования агентств по привлечению абитуриентов в США

Филип Дж. Альтбах и Лиз Райзберг

*Филип Дж. Альтбах — исследователь, профессор и заслуженный член Центра по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: altbach@bc.edu.*

*Лиз Райзберг — исследователь центра и консультант по вопросам международного высшего образования.
E-mail: reisberg@gmail.com.*

Эта статья уже выходила в Inside Higher Ed.

Кризис! Часть американского профессионального сообщества в сфере высшего образования забила тревогу из-за пары формулировок в новом законодательстве, одобренном конгрессом и вступившем в силу 1 августа 2021 года. Новый закон, посвященный образовательным льготам для военнослужащих, имеющих боевой опыт, только усилил неразбериху вокруг и без того спорной практики по использованию услуг специализированных агентов, помогающих привлекать больше международных студентов. Закон «О подготовке к высококвалифицированным профессиям с целью улучшения ситуации с трудоустройством ветеранов» вводит новые ограничения для вузов, получающих государственное финансирование. Судя по всему, он среди прочего запрещает «платить комиссионные или стимулирующие выплаты за услуги по привлечению студентов или финансовой поддержки». Из-за этой формулировки возникает неопределенность относительно того, остается ли у американских вузов, продолжающих на платной основе пользоваться услугами агентов по привлечению международных

студентов, право на господдержку в рамках закона об американском плане спасения 2021 года.

Если комиссионные выплаты за привлечение американских студентов запрещены, то в сфере привлечения международных студентов это вполне распространенная практика. Она закрепились из-за коммерциализации международного высшего образования и чрезмерной зависимости вузов от международных студентов и их денег, которые нужны все большему числу американских колледжей и университетов, чтобы финансово удержаться на плаву. Международные студенты помогают многим вузам сгладить финансовые трудности, вызванные сокращением притока местных студентов, причем эта тенденция только усилилась на фоне кризиса, связанного с пандемией COVID-19. Что угодно, лишь бы баланс сошелся.

Статус-кво

Под предводительством Американского совета по образованию и при поддержке всего образовательного истеблишмента предпринимались различные попытки скорректировать допущенную законодателями очевидную недоработку. Ассоциация по поддержке международных студентов NAFSA, Национальная ассоциация приемных комиссий (NACAC), Американский совет по международному рекрутингу (надзорная организация, куда входят представители агентств, занимающихся привлечением международных студентов, и колледжей, пользующихся услугами таких агентств) и другие организации пытались повлиять на членов конгресса, ссылаясь на то, что новый закон ставит США в невыгодное конкурентное положение в борьбе за международных студентов, поскольку в других популярных у иностранцев англоязычных странах, в частности в Австралии и Соединенном Королевстве, услугами агентов пользуются очень активно. В результате 8 октября 2021 года на рассмотрение было вынесено два новых законопроекта, призванных решить выявленную проблему.

Хотя еще двадцать лет назад этический кодекс NACAC запрещал вузам-членам пользоваться услугами агентов. В 2013 году после продолжительных дискуссий эта организация все же сняла этот запрет. Госдепартамент США и подчиняющаяся ему сеть международных образовательных консультационных центров EducationUSA были категорически против использования агентств вплоть до 2018 года, когда администрация президента Трампа резко сменила государственный курс в соответствии с собственной стратегией гиперкоммерциализации высшего образования. Теперь, похоже, никто больше не против агентств. По данным NAFSA, их услугами пользуется 49% американских колледжей и университетов. Среди австралийских и британских университетов этот показатель гораздо выше: под воздействием политики своих правительств они полностью коммерциализовали стратегии привлечения международных студентов, стремясь тем самым компенсировать сокращение

бюджета более высокой платой за обучение, взимаемой с иностранцев. Однако зависимость от денег международных студентов, главным образом из Индии и Китая, обратилась рядом серьезных проблем, и дело не только в пандемии COVID-19, но также в последствиях Брекзита и в геополитическом конфликте между Китаем и Австралией. В результате всех этих кризисов владельцы австралийской IDP — крупнейшей в мире компании, продвигающей услуги агентств, — даже вынуждены были распродать часть акций.

Так что же не так с агентствами?

Формулировки, содержащиеся в новых законопроектах, побуждают задуматься о том, что вузы чрезмерно уповают на агентов. Как отмечается в открытом письме Американского совета по образованию членам правительства, специализированные агенты и другие специалисты извне университетского сектора по привлечению студентов получают вознаграждение за то, что помогают решать проблемы вузов. Колледжи и университеты нанимают агентов, чтобы те находили абитуриентов, готовых самостоятельно оплачивать свое обучение. Вузы платят комиссию за каждого привлеченного студента. Обычно это определенный процент от стоимости обучения, поэтому размер комиссии может достигать нескольких тысяч долларов. Агенты необязательно действуют в интересах абитуриентов, так как нанимают их университеты.

Агент сопровождает абитуриентов на протяжении всего процесса поступления в вуз, который его нанял, и иногда «помощь» агента заключается в написании вступительного сочинения за абитуриента и подготовке рекомендательных писем. Известно множество случаев фальсификаций и различных махинаций при поступлении, и некоторые из них даже закончились уголовными делами о мошенничестве в Индии и Китае. Иными словами, возможные махинации — один из рисков работы с агентствами, причем отслеживать такие случаи чрезвычайно трудно.

Многие представители образовательного истеблишмента, будь то в США или в других странах, похоже, исходят из того, что иностранцы не будут к ним поступать без пошагового агентского сопровождения. В каких-то случаях это, может, и верно, но когда коммерческое агентство, напрямую заинтересованное в том, чтобы отправить абитуриентов в конкретный вуз, еще и консультирует этих абитуриентов, то результат отнюдь не всегда соответствует интересам самого абитуриента, его или ее спонсора (чаще всего это родители) или даже интересам собственно вуза, ведь этот человек может просто бросить учебу.

Наконец, никаких четких профессиональных требований к агентствам по привлечению абитуриентов пока нет, так что получается, что люди, играющие огромную роль в приемной кампании вузов, могут обладать самыми разными квалификациями (или не обладать никакими). Нет и никаких общепризнанных критериев оценки или сертификации агентов.

**...обязательно нужно
тщательно анализировать
опыт таких студентов
при помощи независимых
экспертов.**

Решения

Американские вузы платят агентам существенные деньги. Но поскольку отчитываться об этом они не обязаны, то сколько именно — мы не знаем. В одном британском исследовании написано, что за одного привлеченного студента университет обычно платит агенту 15% полной стоимости первого года обучения. Эти деньги можно было бы потратить с большим умом, если направить их на непосредственное обслуживание нужд международных абитуриентов: на обновление сайтов, на улучшение информационных материалов для абитуриентов и их родителей. Средства, которые сейчас уходят на оплату агентской комиссии, можно было бы использовать для найма собственных штатных или внештатных специалистов приемных комиссий, которые бы адресно работали с отдельными абитуриентами. Государственные организации наподобие EducationUSA при Госдепартаменте и Министерство торговли США могли бы увеличить ресурсы на повышение качества неангажированной информации об американском высшем образовании, распространяемой за рубежом, и включать в свои материалы университеты, которые, может быть, и не входят в рейтинги, но тем не менее могут предложить иностранцам отличное образование. Часть денег, которые сейчас уходят агентствам, можно было бы направить на финансовую поддержку международных студентов.

Если же вузы упорно продолжают пользоваться услугами сторонних организаций по привлечению международных студентов, то обязательно нужно тщательно анализировать опыт таких студентов при помощи независимых экспертов. Прошлогодня «недоработка» законодателей могла бы помочь запустить столь необходимую реформу нынешней системы поступления в вузы, которая не всегда отвечает интересам абитуриентов и которая в отсутствие адекватного контроля регулярно приводит к этически проблемным ситуациям. Однако сейчас группа организаций, занимающихся высшим образованием, подталкивает правительство в противоположном направлении.

Государственное и частное в высшем образовании

**Филип Дж. Альтбах, Ханс де Вит
и Айеначеу Волдегийоргис**

*Филип Дж. Альтбах — исследователь,
профессор и заслуженный член Центра
по изучению международного высшего
образования Бостонского колледжа (США).
E-mail: altbach@bc.edu.*

*Ханс де Вит — заслуженный профессор
и заслуженный член центра.
E-mail: dewit@bc.edu.*

*Айеначеу Волдегийоргис — постдок центра.
E-mail: woldegiy@bc.edu.*

В современном мире массового высшего образования, насчитывающем более 250 миллионов студентов в 30 тысячах вузов (многие из которых испытывают серьезные финансовые трудности), частное (негосударственное) высшее образование стало повсеместным явлением. Более того, все больше стран, в которых частный сектор по масштабам опережает государственный. Частное высшее образование становится все более разнообразным и занимает все более влиятельное положение. Однако так было не всегда. До недавнего времени нормой в мире (за исключением нескольких стран) было государственное финансирование высшего образования и государственный контроль над ним.

Расширение частного присутствия в сфере высшего образования не всегда проходило гладко, и во многих странах по-прежнему идут споры по этому вопросу. Меньшинство (которое постоянно сужается) утверждает, что только государство способно обеспечить необходимый масштаб и всю полноту высшего образования и что наука — ответственность правительства. Считается, что частный сектор обслуживает лишь самые «примитивные» нужды и работает главным образом на собственные интересы, а не на благо всего общества. Однако финансовые факторы привели к резкому расширению сектора коммерческого и некоммерческого высшего образования по всему миру. В Латинской Америке, где некогда доминировало государственное высшее образование, теперь большинство студентов приходится на частные вузы. Похожим образом ситуация сложилась и во многих азиатских странах, а в таких государствах, как Тайвань, Филиппины, Южная Корея и Япония, вообще всегда господствовали именно частные вузы.

Расширение частного присутствия в сфере высшего образования не всегда проходило гладко, и во многих странах по-прежнему идут споры по этому вопросу.

В выпуске Всемирного доклада по мониторингу образования [за 2021 год](#) ЮНЕСКО освещает именно тему стремительного роста частного образования и противопоставления государственного образования частному. Центр по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа получил запрос сформулировать свою позицию в этой дискуссии. Мы, в свою очередь, обратились к пяти коллегам с просьбой коротко описать ситуацию в их странах. Вошедшие в этот выпуск статьи, посвященные Аргентине, Вьетнаму, Германии, Египту и Румынии, показывают различия между подходами к образованию в этих странах и их реалиями и одновременно с этим подтверждают, что дискуссия о частном образовании характерна для самых разных стран.

Общественное или частное благо?

В ходе дискуссий о роли негосударственных акторов в высшем образовании часто поднимается немаловажный вопрос о том, является ли высшее образование общественным благом или частным. И хотя мы часто слышим доводы в пользу той или иной точки зрения, пока никто, насколько нам известно, не сумел убедительно доказать, что эта сфера должна быть полностью отдана на откуп частным акторам и что общество и государство не должны вообще никак влиять на высшее образование. Впрочем, противоположная позиция, что высшее образование следует полностью сделать полем деятельности государства и оплачивать исключительно из государственного бюджета, представляется такой же нереалистичной. Такова действительность современного мира, что также показано в статьях, посвященных описанию ситуации в вышеупомянутых пяти странах.

В сфере высшего образования переплетаются государственные и негосударственные элементы. Например, это выражается в том, что процессы распределения ресурсов не ограничены рамками двух рассматриваемых сфер. Государственные вузы получают финансирование из различных негосударственных источников, в том числе от частных компаний, благотворительных фондов, отдельных меценатов, выпускников и т.д. Более того, они все чаще привле-

кают частные организации к выполнению административной и прочей текущей работы. И наоборот, частные (негосударственные) вузы, в свою очередь, тоже нередко получают поддержку со стороны государства. Многие из них участвуют в конкурсах и тендерах на распределение государственного научного финансирования. Во многих странах частным вузам полагаются определенные привилегии, например в форме налоговых послаблений или льгот, которые обычно распространяются только на некоммерческие частные вузы. Существуют и уникальные случаи. Например, в Чили определенные частные вузы имеют право на прямое финансирование из государственного бюджета. Частные вузы пользуются государственными ресурсами еще и косвенным образом, например благодаря образовательным кредитам и различным программам финансовой помощи студентам.

Вот почему четко разделить государственное и негосударственное в высшем образовании непросто. Это видно на примере Румынии, чьи государственные университеты предлагают два варианта обучения (бюджетный и за свой счет), в то время как в частных вузах требования в плане оплаты обучения не такие строгие, а расценки иногда даже ниже, чем в государственных. При таком сценарии есть, конечно, очевидный нюанс: качество. В ситуациях, когда частные вузы берут на себя задачу удовлетворения массового спроса на высшее образование, часто можно услышать критику в их адрес из-за низкого качества предлагаемого ими образования. Однако, как показывает пример Аргентины и Румынии (а также многих других стран), низкое качество образования вовсе не является характеристикой исключительно частных вузов. Государственные вузы тоже оказываются в уязвимом положении в отсутствие необходимых инвестиций и надежных механизмов контроля качества.

Адекватный баланс между государственным и негосударственным

Как показывает опыт рассматриваемых в этом выпуске пяти стран, возможность выстроить адекватный баланс между государственным и негосударственным, в том числе в плане финансирования вузов и их количества, обусловлена историческим контекстом развития высшего образования в каждой конкретной стране, а также ее текущими потребностями и имеющимися у нее ресурсами. Сейчас ситуация в целом складывается таким образом, что почти в каждой стране есть хотя бы несколько передовых и узкоспециализированных государственных вузов, которые занимаются наукой и готовят следующее поколение сотрудников для всего сектора высшего образования, и что параллельно с этими вузами существуют частные, хотя в секторе исследовательских университетов во всем мире по-прежнему явно доминируют государственные вузы.

В такой стране, как Вьетнам, до недавнего времени считалось, что частное образование кардинально противоречит государственной идеологии. Из-за этого вовлечение негосударственных акторов в сектор высшего образования шло постепенно, и если поначалу этот феномен воспринимался со скепсисом, то со временем он стал играть все более заметную роль. В Аргентине общественное отношение к негосударственным акторам в высшем образовании эволюционировало от полной неприязни к дискуссии о том, какую роль они могли бы играть. В Египте с его преимущественно государственным высшим образованием частные вузы воспринимаются как ключевые участники процесса повышения качества и развития интернационализации. В Германии, чья система высшего образования тоже состоит преимущественно из государственных вузов, дискуссия на тему частного высшего образования вообще протекает сдержанно, поскольку частные вузы не воспринимаются ни как угроза государственным, ни как их полноценные конкуренты.

В общем и целом при обсуждении роли государственных и негосударственных акторов в высшем образовании никто, как правило, не настаивает на том, что какая-то одна сторона должна получить монопольную власть над этим сектором. И государственные, и частные вузы обладают своими плюсами и минусами, а также определенными отличительными чертами и функциями, все они вносят свой вклад в перенастройку системы высшего образования в целом согласно многосторонним потребностям общества. Взаимное положение государственных и частных вузов варьируется в зависимости от контекста и может меняться под влиянием требований внешней среды.

Текущая глобальная обстановка, испытывающая на себе воздействие пандемии, экономического кризиса, климатических изменений, геополитических конфликтов и т.д., влияет на роль высшего образования в целом и на роль негосударственных акторов в этом секторе в частности. И государственные, и частные вузы продолжают испытывать финансовые трудности, вызванные вынужденным перераспределением государственных ресурсов. Из-за этого заметно пострадает качество и доступность высшего образования, особенно в странах с низким и средним уровнем доходов. А масштабные проблемы, например в сфере экологии и здравоохранения, наверняка будут способствовать укреплению сотрудничества между государственными и негосударственными акторами, что приведет к усилению роли последних в науке и высшем образовании.

Частные вузы в Египте: уже не неизбежное зло, а важный элемент системы

Гада Барсум

*Гада Барсум — сотрудница Американского университета в Каире (Египет), доцент.
E-mail: gbarsoum@aucegypt.edu.*

Египет — интересный пример для изучения меняющейся роли частных игроков в контексте высшего образования. Египетская система высшего образования долгое время была (да и сейчас остается) преимущественно государственной. По данным Министерства высшего образования за 2019 год, 26% из 2,9 миллиона египетских студентов учились в частных вузах. Это отражает существенное расширение контингента частных вузов в стране.

Говоря о Египте, всегда стоит оглянуться на его историю. Первый университет современного типа был открыт в 1908 году благодаря филантропической деятельности египетской элиты. Поначалу это был своего рода эксперимент, из которого впоследствии — в 1923 году — родился проект национального государственного университета — так называемого Египетского университета, ныне известного как Каирский университет. Затем расширение системы шло исключительно за счет государственных вузов. Высшее образование осмыслялось как всеобщее благо, и в 1962 году египетская конституция закрепила право на бесплатное высшее образование. Частным вузам отводилась периферийная роль. В этой статье мы поговорим об усиливающейся роли частных вузов и об эволюции связанного с ними дискурса.

Становление частного высшего образования

В первые годы формирования современной египетской системы высшего образования на фоне государственного большинства существовали и немногочисленные частные вузы. В 1919 году был основан Американский университет в Каире, где училось относительно немного студентов, причем преимущественно представители элиты. Кроме того, в 1950-х годах появилось несколько частных институтов, созданных по инициативе профессиональных ассоциаций.

В 1970-х годах на фоне общего курса на либерализацию экономики в стране начали появляться частные заведения двух- и четырехгодичного образования неуниверситетского типа. Образование там было

платным, и создавались они, чтобы ослабить давление на государственные университеты. Новые вузы ориентировались на абитуриентов, не сумевших набрать минимальный допустимый балл по результатам выпускных экзаменов в школе и, соответственно, лишившихся права на бесплатное высшее образование. Первые платные частные вузы считались крайне непрестижными, и люди шли туда только в крайнем случае. Эти вузы и сейчас обеспечивают заметную долю всего частного высшего образования в Египте.

Нормативная база, которая регулирует деятельность частных вузов, была принята в 1970 году (закон №52) и действует до сих пор, причем эти вузы крепко связаны с государственной образовательной системой. Расценки на обучение, тематика и содержание курсов, количество студентов, кадровые решения — все это требует согласования с министерством. В своих исследованиях мне удалось документально подтвердить системное недоверие к частным вузам. В каком-то смысле первое поколение частных вузов воспринималось как неизбежное зло, которое требует тщательного контроля и управления.

Сдвиг

1990-е годы ознаменовались серьезным сдвигом парадигмы: иначе стала восприниматься роль негосударственных акторов в высшем образовании, сменился дискурс. В 1992 году было принято новое законодательство, дополненное в 2009 году, которое позволило создать элитные и полуэлитные частные университеты. К 2019 году в стране насчитывалось уже 23 частных университета и 168 частных вузов других типов. Новое законодательство, регулирующее деятельность частных вузов, гораздо гибче того, которое применялось раньше. Новые частные вузы призваны заниматься повышением качества образования и развитием науки, и это теперь закреплено законодательно (закон №12 от 2009 года). Ключевые слова, которые задают сейчас вектор дискуссии вокруг частных вузов, — «конкурентоспособность», «связь с рынком труда», «качество», причем используемая в общественной дискуссии терминология также отражает роль международных доноров.

Относительно недавно в Египте начали появляться также филиалы иностранных вузов. Предполагается, что вузы этого типа помогут решить не только проблему доступности высшего образования, но и некоторые другие. Эти игроки были допущены в страну, чтобы, как записано в нормативных документах, помочь ей решить ряд ключевых задач, связанных с качеством образования, интернационализацией и развитием науки. К международным филиалам вузов в Египте подобострастное отношение, руководство страны покровительствует им и поддерживает. Нормативная база, регулирующая деятельность международных филиалов, уделяет особое внимание вопросам академической и организационной свободы, что в новинку для Египта (см. также статью Джейсона Э. Лей-

на «Египет: привлечение международных вузов для ускорения развития страны» в 95-м выпуске «Международного высшего образования»).

Волна расширения частного присутствия в египетском высшем образовании затронула и государственные университеты. Хотя там по-прежнему можно получить образование за символическую плату, в частных вузах все чаще появляются новые программы (их еще называют «секции»), обучение на которых стоит гораздо дороже. Благодаря таким программам можно получить образование на иностранном языке (чаще всего английском или французском). Либо они дают абитуриентам, недобравшим немного для поступления на обычное бюджетное отделение, возможность получить желаемое образование за деньги.

...первое поколение частных вузов воспринималось как неизбежное зло, которое требует тщательного контроля и управления.

В Египте высшее образование по-прежнему считается общественным благом. Более того, согласно национальному плану развития до 2030 года, правительство хочет повысить доступность высшего образования и увеличить к 2030 году долю молодежи, поступающей в вузы, с нынешнего 31% до 45%. В национальном плане также описаны показатели, по которым будет оцениваться качество образования, интернационализация и исследовательская продуктивность. Бремя продолжающейся массовизации высшего образования в равной мере возлагается на государственный и негосударственный сектор. Если раньше частные вузы считались неизбежным злом, то сейчас им отводится все более заметная роль в повышении качества высшего образования и развитии интернационализации.

Вьетнам: частное высшее образование в коммунистической стране

Куан Тяу

*Куан Тяу — аспирант отделения образовательной политики и управления образованием Университета штата Нью-Йорк в Олбани (США) и участник PROPHE — Программы изучения частного высшего образования.
E-mail: qchau@albany.edu.*

Частное высшее образование появилось во Вьетнаме в результате инициированной властями в 1986 году комплексной программы политических и экономических реформ «Дой Мой», также известной как «политика обновления». Внедрение элементов рыночной экономики со временем коснулось и высшего образования и косвенным образом способствовало формированию сектора частных вузов. Поначалу нормативно-правовое регулирование частного высшего образования носило чрезвычайно реакционный характер, но при этом было довольно несистематичным — главным образом из-за нехватки у властей опыта работы с частным сектором. Середина 2000-х годов ознаменовалась началом процесса консолидации и регламентации нормативной базы, и к настоящему моменту частные вузы (а в стране насчитывается 65 частных университетов, где учится более 260 тысяч студентов) уже стали неотъемлемой частью национальной системы высшего образования. Однако они по-прежнему жалуются на то, что к ним относятся хуже, чем к государственным вузам.

Государственный сектор и частный: взаимодействие или конкуренция?

В принципе, чтобы понять дискуссию, которая идет вокруг частного высшего образования во Вьетнаме, надо хорошо представлять себе различия между двумя секторами и их отличительные особенности. Первое время различия между ними были очень ярко выражены: в целом считалось, что частные вузы предназначены в основном для наименее подготовленных абитуриентов. Чтобы поступить в частный университет, достаточно было получить минимальный проходной балл на общенациональном вступительном экзамене. Минимальный проходной балл устанавливался Министерством образования с целью поддержания стандартов качества. В государственные университеты поступить было, наоборот, очень трудно: проходной балл оказывался обычно гораздо выше минималь-

ного, был огромный конкурс. Далее, в частных вузах большинство преподавателей работало временно, на почасовой основе, в то время как их коллеги из государственных вузов — в штате, на постоянных должностях. В общем, аргументы в поддержку частных вузов в основном сводились к вопросу о доступности высшего образования, но при этом качество предлагаемого ими образования подвергалось критике.

Начиная с середины 2000-х годов, когда различия между двумя секторами постепенно начали стираться, конкуренция между ними возросла. Во многих провинциях, в том числе в экономически второстепенных регионах, появились государственные университеты, многие из которых были созданы на основе существовавших ранее колледжей, обеспечивавших профессионально-техническое образование короткого цикла. В этих вузах преобладали образовательные программы, не требующие больших инвестиций, а уровень подготовки студентов был ниже, чем в старых государственных университетах. Подобная политика массовизации породила немало споров. Столкнувшись с прямой конкуренцией со стороны новых государственных вузов, частные университеты стали призывать государство сконцентрировать финансовые ресурсы на повышении качества образовательных программ «первостепенной важности», которые приносят пользу всему обществу, таких как медицинские, инженерные или биологические, а остальные направления отдать на откуп частным университетам. Однако этот аргумент был полностью отвергнут на уровне региональных властей: они были убеждены, что новые государственные университеты внесут огромный вклад в экономику отдельных провинций. И по мере того, как в разных провинциях один за другим стали появляться новые государственные университеты, они снискали популярность среди абитуриентов, которые при другом раскладе переехали бы в крупные города и учились бы в частных университетах. Все это привело к резкому падению интереса ко многим частным вузам, и они столкнулись с серьезными финансовыми проблемами.

Заметному оживлению этого сектора способствовало вовлечение в него частных корпораций. Теперь ряд частных университетов оказался в руках крупных многопрофильных корпораций, и благодаря массовой скупке частных вузов сформировались целые образовательные конгломераты. В некоторых университетах, принадлежащих корпорациям, стали открываться капиталоемкие образовательные программы, куда поступают абитуриенты с высокими баллами, так что эти вузы стали напрямую конкурировать с ведущими государственными университетами. В целом распространено мнение, что частные вузы опосредованно подтолкнули государственный сектор к инновациям и к повышению эффективности работы. А еще преподаватели с большим стажем и другие сотрудники государственных университетов все чаще переходят в частные вузы, потому что последние не только больше

платят, но также предоставляют больше возможностей для экспериментов и инноваций и дают предприимчивым сотрудникам раскрываться.

Равенство и инклюзивность

В отличие от многих стран, во Вьетнаме вопросы равенства и инклюзивности в контексте частного высшего образования пока не очень широко обсуждаются. Во вьетнамской традиции в целом глубоко укоренены идеалы меритократии: считается вполне справедливым, что менее хорошо подготовленные абитуриенты вне зависимости от их социального происхождения учатся в вузах низкого ранга, а это обычно как раз частные вузы с дорогим обучением. Однако в последнее время в контексте равенства и инклюзивности все чаще звучит критика в адрес государственных университетов. Масштабная реформа госуправления, запущенная в середине 2010-х годов, послужила для ведущих государственных университетов стимулом к снижению финансовой зависимости от бюджета в обмен на большую свободу принятия решений в некоторых сферах. Соответственно, стоимость обучения в этих университетах резко повысилась, и теперь образование там доступно разве что молодежи из обеспеченных семей.

Частное образование и политическая риторика

Поскольку раньше считалось, что частное образование несовместимо с коммунистической идеологией, то правила, касающиеся участия частного сектора в образовании, часто оказывались двусмысленными и резко менялись (см., например, мою статью «Вьетнам: уникальное монопольное положение частных вузов» в 103-м выпуске «Международного высшего образования»). Политика обобществления («са хой хоа»), объявленная в конце 1990-х годов, впервые стала поощрять финансовое и административное участие частных акторов в государственном высшем образовании и вообще была направлена на развитие частного высшего образования. Однако вскоре она выродилась просто в способ распределения издержек: частные акторы (в частности, родители студентов) привлекались разве что с целью снизить затраты правительства, при этом все управленческие решения оставались за государством. Коммунистическая партия Вьетнама, с одной стороны, узаконила частное высшее образование, а с другой — не стала признавать высшее образование рыночной сферой и открыто выступала против коммерциализации высшего образования. Однако вскоре после вступления Вьетнама во Всемирную торговую организацию (в 2006 году), что по совпадению наложило на кадровые перестановки в высшем партийном руководстве, политический курс в сфере частного высшего образования развернулся на 180 градусов. От всех частных вузов потребовали, чтобы они сменили свой юридический статус и стали коммерческими корпорациями, а также чтобы они перешли

на характерную для бизнеса модель управления. Одновременно с этим правительство предложило преобразовать государственные университеты в акционерные общества и управлять ими соответствующим образом (однако руководство партии отвергло эти идеи). Одна из причин появления таких предложений в том, что некоторые высокопоставленные чиновники, похоже, просто неправильно поняли слово «корпоратизация» — модное в Восточной и Юго-Восточной Азии того периода словечко, которое было на устах у всех представителей академической среды и под которым на самом-то деле подразумевалось расширение институциональной автономии вузов, а не «превращение в коммерческие корпорации». К тому же, поскольку большинство чиновников училось в Советском Союзе, где некоммерческого сектора, по сути, не существовало, у них просто были очень ограниченные представления о том, что такое «частный сектор». В их представлении «частное» приравнилось к «коммерческим структурам». Вот почему коммерческий характер большинства вьетнамских частных университетов воспринимается как нечто само собой разумеющееся и не вызывает особой критики.

...формируется ли во Вьетнаме подлинный некоммерческий сектор — это по-прежнему открытый вопрос.

Недавно власти Вьетнама узаконили некоммерческое частное высшее образование, и теперь можно предположить, что различия между частным и государственным сектором продолжают размываться, а дискуссии вокруг частного высшего образования в противовес государственному потеряют свою остроту. Однако сформируется ли во Вьетнаме подлинный некоммерческий сектор — это по-прежнему открытый вопрос. Ведь высшее образование невозможно полностью отделить от политэкономии, а вьетнамская политэкономия полна неизведанного.

Частные вузы в преимущественно государственной образовательной системе: случай Германии

Барбара М. Кем

*Барбара М. Кем — научный сотрудник
Центра науки и общества имени Лейбница
(LCSS) при Ганноверском университете
имени Лейбница (Германия).
E-mail: bmkehr@t-online.de.*

В Германии образование, в том числе высшее, считается общественным благом, поэтому оно бесплатное: государственные учебные заведения не взимают плату за обучение. Однако немецкая система — децентрализованная, и за все государственные учебные заведения, расположенные на территории каждой из 16 федеральных земель, отвечают власти каждого отдельного региона. Широко известно, что немецкая система высшего образования финансируется государством и носит преимущественно двусоставный характер, так как состоит главным образом из вузов двух типов: университетов и университетов прикладных наук.

Существуют и частные вузы. Государство в определенной мере вовлечено и в их работу, поскольку, чтобы открыть частный вуз, нужно получить разрешение региональных властей, а присуждать степени (бакалавра, магистра, доктора наук) невозможно без государственной аккредитации. Для этого частный вуз должен сначала получить институциональную аккредитацию Совета по науке (это важный посреднический и консультативный орган в области образовательного планирования, финансирования и стратегического развития), а затем получить на каждую образовательную программу аккредитацию специализированного аккредитационного агентства.

Что побуждает создавать частные вузы

Большинство частных вузов считаются слишком маленькими, слишком узкопрофильными и нередко слишком посредственными и потому практически не привлекают внимания общественности. Соответственно, они не представляют собой никакой угрозы для государственных вузов и, по сути, не могут с ними конкурировать, так что общественная дискуссия о частном высшем образовании в Германии носит довольно сдержанный характер.

Основная роль в секторе частного высшего образования принадлежит негосударственным акторам.

Большинство частных вузов считаются слишком маленькими, слишком узкопрофильными и нередко слишком посредственными и потому практически не привлекают внимания общественности.

В исследовании 2006 года, посвященном причинам и поводам появления частных вузов, Шперлих выделяла шесть групп акторов: частные лица, компании, фонды, ассоциации, церковь и города. Есть вузы, учрежденные и управляемые акторами всех этих типов, чья мотивация может различаться.

Шперлих выявила три фактора, которые лежат в основе появления практически любого частного вуза: нехватка мест в государственных вузах; проблемы, вызванные перегруженностью государственного сектора; некоторый отход от представлений о том, что образование — общественное благо в чистом виде. Кроме того, Шперлих выделила четыре побудительные причины к созданию частных вузов:

- потребность определенных отраслей экономики (например, банков, телекоммуникационных компаний) в дипломированных специалистах с определенными, специфичными для конкретной отрасли навыками;
- желание улучшить свой имидж, повысить свой престиж и получить возможность влиять на политические и общественные решения; данный мотив характерен для городов и частных лиц, учреждающих собственные вузы;
- экономические причины, например стремление получить прибыль или, наоборот, списать прибыль с баланса ради сокращения налогов, а также расширить портфель компании (к примеру, издательской);
- стремление улучшить существующую систему высшего образования, провозгласив частные вузы более перспективной моделью учебных заведений, которым не страшны проблемы, свойственные государственному сектору, которые легче поддаются преобразованиям и которым проще сфокусироваться на каком-то специфическом профиле, потому что они обладают большей свободой в плане внутренней организации и выбора подходов и в меньшей степени обременены бюрократическими требованиями.

Вообще, большинство частных вузов позиционирует себя как учебные заведения, которые могут послужить образцом для реформ и которые лучше справляются с задачами обучения студентов, чем государственные вузы.

Общественная дискуссия о частном высшем образовании

Общественная дискуссия о частном высшем образовании, если о нем вообще ведется речь, сводится к обсуждению его плюсов и минусов. Преимуществами частного высшего образования считаются его практическая ориентированность и возможность наладить хорошие связи с потенциальными работодателями прямо в ходе обучения, его инфраструктура и хорошо организованная работа, небольшие учебные группы и возможность личного общения с преподавателями, а также низкий уровень отсева, хорошие перспективы трудоустройства и содействие выпускникам в выходе на рынок труда.

Частные вузы критикуют за высокую стоимость обучения и за то, что они подчеркивают свой якобы элитарный статус; за сложную и малопонятную систему поступления и отбора абитуриентов; за небольшой тематический спектр, сильную зарегламентированность и узкопрофильность образовательных программ и, наконец, за то, что обучение в них, как правило, не опирается на науку и в большой степени подвержено влиянию частных фирм.

Немного статистики

В 2018/19 учебном году в Германии действовало 117 частных вузов: 19 университетов и 92 университета прикладных наук. Кроме того, было 3 негосударственные духовные семинарии и 3 частных художественных колледжа. Для сравнения: государственный сектор насчитывает 107 университетов и 243 университета прикладных наук. Обычно частные университеты дают только бакалаврское и магистерское образование, но 15 немецких частных университетов также имеют право присуждать степень PhD. Подавляющее большинство частных университетов прикладных наук ограничивается бакалаврскими программами.

По данным федерального статистического ведомства Германии на 2017 год, в стране насчитывалось 2,9 миллиона студентов, из них 247 тысяч (8,5% от общего числа) — в частных вузах. В целом можно утверждать, что, несмотря на относительно большое количество частных вузов в Германии, их рыночная доля невелика, поскольку они довольно маленькие и насчитывают от нескольких сотен до максимум 5–6 тысяч студентов каждый.

Большую часть частных вузов составляют университеты прикладных наук, большинство из них учит деловому администрированию, а также нередко коммуникациям. Учебные программы разрабатываются в тесном сотрудничестве с частными компаниями,

а среди преподавателей много специалистов-практиков из внебюджетного сектора.

Как отмечают Бушле и Хайдер в своем исследовании 2016 года, посвященном частному высшему образованию в Германии, основной источник дохода частных вузов — студенты; государственные же вузы не имеют права взимать со студентов плату за обучение. Стоимость обучения зависит от вуза и от направления. В среднем студенты частных вузов платят от 6240 до 14 000 евро в год при обучении на трехгодичных программах бакалавриата, а за двухгодичную магистратуру — около 15 500 евро в год. У частных вузов есть и другие существенные источники дохода: спонсорская поддержка и добровольные пожертвования. Но в целом более двух третей всех институциональных расходов покрывается за счет денег, которые студенты платят за обучение.

Румыния: государственное и частное в высшем образовании

Георгиана Михут

*Георгиана Михут — старший преподаватель
отделения наук об образовании Уорикского
университета (Соединенное Королевство).
E-mail: georgiana.g.mihut@gmail.com.*

В Румынии, как и во многих других странах постсоветского пространства, государственное высшее образование устроено таким образом, что там есть бюджетная форма обучения и платная. В Румынии стоимость обучения и в государственных, и в частных университетах довольно низкая. Из-за этих особенностей государственные университеты делят риски между государством и частным сектором. Государственные университеты не могли обеспечить справедливый доступ к высшему образованию и пошли по пути коммерциализации (стали размещать рекламу для привлечения абитуриентов, зачислять много студентов на высококостребованные программы, даже не имеющие прямых выходов на рынок труда, и привлекать все больше иностранцев на внебюджетные места), развели бюджетных и платных студентов. Кроме того, поскольку обучение и в государственных, и в частных вузах стоит недорого, частные университеты — очень доступная для абитуриентов опция. И вопреки типичным доводам сторонников частного

образования, появление в Румынии частных вузов не привело ни к педагогическим, ни к управленческим, ни к технологическим инновациям. Ни даже к общественной дискуссии о роли государства в высшем образовании. И в этой статье мы поговорим о том, в чем пример Румынии противоречит распространенным представлениям о государственном и частном высшем образовании.

Государственное и частное в государственном высшем образовании

Хорошая государственная система высшего образования должна позволять получить образование даже самым малообеспеченным слоям населения. Однако румынские государственные вузы несколько не заинтересованы в обеспечении справедливого доступа к высшему образованию и соблюдении принципов инклюзивности. Для таких систем характерен меритократический подход. Хотя в государственных вузах есть небольшие квоты на бюджетные места для выпускников сельских школ и некоторое количество стипендий для малообеспеченных студентов, в целом бюджетные места распределяются в соответствии с меритократическими принципами, а не «по потребностям». Эти же критерии используются при распределении стипендий и малочисленных, но таких вожделенных для многих студентов мест в государственных общежитиях. Государственные вузы в Румынии задумывались как место для наиболее успешных абитуриентов — обычно это выходцы из более или менее привилегированных групп населения.

Многие критикуют частные вузы за то, что их появление послужило толчком к коммерциализации высшего образования и формированию двухуровневой системы. Государственные университеты тоже заинтересованы в платных студентах и потому тоже взяли курс на коммерциализацию и, движимые спросом, начали вводить разные востребованные курсы, что отчасти стало реакцией на конкуренцию со стороны частных вузов, но также и на конкуренцию внутри собственно государственного сектора. Более того, поскольку одни студенты учатся на бюджетных местах и не платят за обучение, а другие платят, то и в государственных вузах сложилась двухуровневая система.

Дешевое образование в государственных и негосударственных вузах

Несмотря на меритократический подход государственных вузов, деньги — не главный барьер на пути к высшему образованию в Румынии, как в государственных, так и в негосударственных вузах. И там и там обучение стоит дешево. Иногда учеба в частном университете даже дешевле, чем в государственном. Так, годичная стоимость обучения в магистратуре психологического факультета Экологического университета Бухареста — самом старом из действующих

частных университетов страны — недотягивала в 2020 году и до 750 евро. Это была самая дорогая программа этого вуза среди всех бакалаврских и магистерских программ. А с платных магистрантов психологического факультета Бухарестского университета — одного из крупнейших и самых престижных в стране государственных вузов — брали чуть больше 800 евро в год. Минимальная зарплата в стране официально составляла в 2020 году 460 евро в месяц.

Негосударственное образование: ни качества, ни инноваций

Считается, что появление частных вузов может способствовать инновациям в высшем образовании и повышению его качества. Однако в Румынии этого не произошло, поскольку частные вузы появились как вузы массового образования и остались таковыми. В 1990 году диплом о высшем образовании имелся менее чем у 1% населения Румынии. В условиях высочайшего спроса частным вузам даже не нужно было заниматься никакими инновациями, чтобы добиться успеха. Они просто копировали у государственных вузов программы, правила и структуры. Более того, близость двух секторов заключалась еще и в том, что в них часто работали одни и те же люди: частные университеты нанимали по совместительству преподавателей из государственных вузов. Расцвет частного сектора в Румынии пришелся на 2009 год: тогда в частных вузах обучалось 42% студентов в стране. После этого количество студентов начало падать из-за двух факторов: серьезного демографического спада и относительно стабильного уровня финансирования в государственных университетах. По данным на 2017/18 учебный год, в частных вузах училось лишь 14% студентов бакалавриата в стране. Из-за увядания этого сектора исследователи высшего образования практически не уделяли ему внимания на протяжении последних 20 лет.

Низкая доступность: насущная проблема, не связанная с финансами

Несмотря на то что вузов в стране достаточно, а стоит обучение недорого, в Румынии по-прежнему остро стоит проблема доступа к высшему образованию. По данным на 2019 год, лишь у 27% населения страны в возрасте 30–34 лет имелся диплом о высшем образовании — это самый низкий показатель среди всех стран Европейского союза. Это во многом объясняется такими факторами, как высокий уровень отсева еще на уровне основной средней школы, низкая доля старшеклассников, которые решаются на сдачу выпускного экзамена по окончании старшей школы (нужного для поступления в вузы), и относительно низкий в настоящее время процент тех, кто успешно сдал этот экзамен. В румынском контексте, чтобы система высшего образования оправдывала возлагаемые на нее обществом ожидания, нужно сначала модернизировать старшую школу.

Более того, близость двух секторов заключалась еще и в том, что в них часто работали одни и те же люди: частные университеты нанимали по совместительству преподавателей из государственных вузов.

Меняющаяся рыночная конъюнктура

Общественная дискуссия насчет частных вузов в Румынии крутится не вокруг вопроса о том, является ли высшее образование общественным благом или частным. Как уже упоминалось выше, частные вузы появились первоначально в этой стране как вузы массового образования и остались таковыми. Их иногда критикуют за качество предлагаемого образования — впрочем, подобные претензии в той же степени актуальны и для многих государственных университетов. Частные вузы упустили свой шанс стать проводниками инноваций, что во многом объясняется условиями системы, в рамках которой они появились. Тем временем государственные и частные вузы страны все сильнее ощущают потребность в изменениях. Румыния терпит стремительный демографический спад: ситуация в стране в этом плане чуть ли не худшая в ЕС. В 2018 году количество учащихся в румынских университетах составляло 44% от пикового значения, пришедшегося на 2007 год. Возможно, именно стабильное уменьшение численности населения в стране (а не текущая политика финансирования высшего образования) наконец заставит вузы — и государственные, и частные — заняться инновациями и повышением качества образования, чтобы повысить свою привлекательность для абитуриентов, которых становится все меньше.

.....

Частные университеты в Аргентине: строгое регулирование небольшого, но сплоченного сектора

Данте Х. Сальто

*Данте Х. Сальто — старший преподаватель кафедры административного управления Университета штата Висконсин в Милуоки и участник PROPHE — Программы изучения частного высшего образования (США).
E-mail: salto@uwm.edu.*

Появление частных услуг в университетском секторе встретило больше сопротивления, чем на любом другом уровне аргентинской образовательной системы. В Аргентине двухсекторная система высшего образования, в которую входит в общей сложности 2369 университетов и вузов неуниверситетского типа, где учится почти 3 миллиона студентов. Каждый четвертый студент учится в частном вузе, но в университетском секторе на частные вузы приходится всего одна пятая учащихся. Частные вузы, как правило, меньше государственных. Примерно половина всех университетов в стране — частные. Учебные заведения неуниверситетского типа — это вузы, где можно получить педагогическое, профессионально-техническое или практико-ориентированное образование. Университеты предлагают широкий спектр образовательных программ — от бакалавриата до аспирантуры. Дискуссия о высшем образовании в Аргентине крутится преимущественно вокруг частных университетов.

Основные пункты в этой дискуссии — роль, функции и качество частного и государственного высшего образования. Те, кто выступает против частного высшего образования, подчеркивают, что высшее образование — общественное благо. С их точки зрения, государственные вузы должны быть в приоритете, а частные вузы должны строго регулироваться и получать как можно меньше бюджетного финансирования. Противники этой точки зрения, наоборот, утверждают, что частные вузы полностью удовлетворяют интересам общества и, соответственно, не только вполне могут претендовать на бюджетное финансирование, но и заслуживают того, чтобы действовать в соответствии с тем же нормативным режимом, что и государственные. Они также подчеркивают, что проблемы качества и эффективности свойственны и государственным вузам.

Дискуссия о свободе образования

Аргентинская система высшего образования начала складываться еще в колониальный период. В 1613 году, заручившись поддержкой католической церкви и одобрением испанского короля, монахи-иезуиты создали учебное заведение, ставшее предшественником первого университета на территории современной Аргентины. Известный сейчас как Национальный университет Кордовы, в 1820 году этот вуз перешел в ведение провинциальных властей, а затем, в 1856 году, был национализирован, таким образом полностью перейдя в государственную собственность. Вплоть до середины XX века университетское образование в Аргентине оставалось монополией государства. Власти Аргентины разрешили создавать частные университеты лишь в 1958 году, более чем через 100 лет после обретения страной независимости.

Как и во многих других странах Латинской Америки, первая волна создания частных вузов в Аргентине во многом превратилась в реализацию давних амбиций католической церкви. Во времена, когда действовал запрет на частные университеты, поборники статус-кво утверждали, что единственным источником университетского образования должно быть государство. А их противники указывали на то, что такой запрет нарушает закрепленную в конституции свободу образования.

Сильно ограниченное бюджетное финансирование

Впрочем, споры идут не только о том, имеет ли частное образование право на существование. Частные университеты появились в Аргентине довольно поздно, что связано с проходившей в стране дискуссией об общественной роли частных вузов. Апологеты частного образования убеждены, что оно в той же мере соответствует интересам общества, что и государственное. А противники частного образования считают, что оно не должно получать поддержку из бюджета, потому что оно вносит лишь ограниченный вклад в жизнь общества. Из-за этих разногласий частные университеты в Аргентине не имеют права на получение господдержки, ни напрямую, ни опосредованно, за исключением научного финансирования. Соответственно, основной источник финансирования частных университетов — сами студенты, в то время как их конкуренты из госсектора целиком и полностью живут за счет национальных и провинциальных властей.

Правила финансирования государственных и частных университетов в соседних странах заметно отличаются от аргентинских. В Бразилии и Чили, например, не только государственные вузы получают средства из бюджета, но и частные. Эти различия показывают, что в некоторых странах, по-видимому, считается, что частное высшее образование вполне отвечает интересам общества, в то время как в Аргентине только государственные университеты имеют право на бюджетное финансирование.

Это общество или правительство не доверяет частным вузам?

Из-за массовизации и диверсификации высшего образования, как государственного, так и частного, острее встал вопрос качества. Противники появления частных вузов выступали за более строгое регулирование частного сектора путем внедрения механизмов контроля качества. Однако представители негосударственных вузов обращают внимание на тот факт, что проблемы с качеством встречаются не только в частном секторе. Более того, несмотря на доминирующую роль государственных вузов, в Аргентине есть несколько частных университетов, считающихся довольно престижными. В 1995 году было создано специальное аккредитационное агентство, которое ввело дополнительные предписания, которые нужно соблюдать, чтобы открыть новый частный университет. Так, прежде чем открыть такой вуз, его учредители сначала должны получить добро от этого аккредитационного агентства, в то время как с государственными университетами процедура другая: сначала конгресс принимает решение о создании нового университета, и уже потом тот — во многом для проформы — становится предметом ревизии аккредитационного агентства. Хотя некоторые считают подобные различия регуляторного характера несправедливыми, на практике дополнительные препятствия на пути к созданию частных университетов, по сути, легитимизируют их существование и препятствуют появлению низкосортных вузов некачественного массового образования, которых в Аргентине очень мало. Тот факт, что частным вузам удается выжить в таких суровых условиях (жесткое регулирование, конкуренция со стороны бесплатных государственных вузов), объясняется, по-видимому, их способностью предложить что-то, чего нет в государственных вузах (маленькие учебные группы, гибкое расписание, возможность дистанционного обучения). Интересно, что наслоение в по-прежнему занимающих доминирующее положение престижных и бесплатных государственных университетах, куда может поступить любой желающий, характеристик, воспринимаемых отрицательно, привело к массовому оттоку абитуриентов, чьи семьи относятся к высшему и среднему классу, из государственных вузов в частные.

Из-за массовизации и диверсификации высшего образования, как государственного, так и частного, острее встал вопрос качества.

Небольшой, но сплоченный сектор

Если раньше дискуссия о частном высшем образовании в Аргентине сводилась к противостоянию двух противоположных точек зрения, то в последнее время идут более развернутые и многосторонние обсуждения относительно роли частных игроков как отдельной части системы послешкольного образования. Несмотря на все ограничения и препятствия, с которыми сталкиваются частные учебные заведения в Аргентине, это довольно объемный сектор с относительно небольшим, но стабильным количеством студентов. Пандемия COVID-19 стала серьезной угрозой для этого сектора, ведь частные вузы живут преимущественно за счет денег, взимаемых со студентов. Последствия пандемии, дальнейшее ужесточение законодательства и отсутствие бюджетного финансирования — из-за воздействия этих факторов не стоит ожидать, что сектор частного высшего образования увеличится до более существенных размеров.

Новая классификация европейских вузов на основе больших данных

Бенедетто Лепори и Агата А. Ламбрехтс

*Бенедетто Лепори — профессор Университета Лугано (Швейцария), координатор финансируемого Европейской комиссией исследовательского проекта «Европейский реестр высшего образования» (ETER), автор [“The Heterogeneity of European Higher Education Institutions: A Configurational Approach”](#), *Studies in Higher Education*, 2021, 1–17.*
E-mail: blepori@usi.ch.

Агата А. Ламбрехтс — постдок Университета Лугано, участвует в создании базы данных ETER.
E-mail: agata.lambrechts@usi.ch.

С подписанием в 1999 году Болонской декларации в Европейском союзе и, если смотреть шире, на всем европейском пространстве высшего образования на системном уровне началась конвергенция и транснациональная гармонизация высшего образования. Одновременно с этим на фоне усиления глобальной конкуренции в высшем образовании и при поддержке некоторых политиков и европейских институций в Европе усилилась диверсификация вузов. Но, к сожа-

лению, в отличие от США с имеющейся у них [классификацией Карнеги](#), дающей четкое представление о существующих в пределах национальной системы разных типах вузов, какой-то более или менее общепризнанной классификации европейских вузов, которая бы отражала все их разнообразие, пока нет.

Ценность классификации

Классификации — базовый инструмент исследовательской, а также законодательной и управленческой работы. Всякая классификация имеет двойное предназначение. Во-первых, классификация отражает все многообразие объектов, которые можно подвергнуть индуктивному обобщению, и сводит эти обобщения к ограниченному (обычно 5–10) количеству категорий, соразмерному человеческим когнитивным способностям. Во-вторых, некоторые характеристики объектов, отнесенных к одной и той же категории, и их связи с другими объектами можно предугадать в соответствии с их классификацией еще до установления подлинности каждого факта. Это позволяет, например, быстрее разрабатывать стратегии.

В сфере высшего образования классификация вузов может использоваться как исследовательский инструмент и как опорная точка для государственной политики; классификация отдает дань институциональному разнообразию и описывает его, открывает возможности для анализа деятельности отдельных вузов, позволяет составить «карту» целых систем и идентифицировать «исследовательские университеты», участвующие в международных рейтингах.

Разработка классификации европейских вузов

В прошлых классификациях упор делался на институциональные категории, такие как университеты и колледжи, однако, даже когда используются одни и те же слова, в разных странах они могут означать разное. К тому же различия между категориями за последние десятилетия размылись, и в некоторых странах вузы неуниверситетского типа превратились в крупные исследовательские центры (в Швейцарии, например) и даже получили право присуждать степень PhD (в Ирландии и Норвегии). Встает вопрос о пользе подобных классификаций. Наконец, существующие классификации уделяют наибольшее внимание исследовательской миссии и деятельности вузов, с одной стороны, и образовательной — с другой, не учитывая тем самым ни так называемую третью миссию, ни междисциплинарные различия. В общем-то, выделить какие-то основные типы вузов в европейском высшем образовании становится все труднее.

С учетом всего этого мы пришли к осознанию потребности в разработке новой, всеобъемлющей классификации европейских вузов, которая бы учитывала и различия в типах деятельности (образовательная, исследовательская, третья миссия), и их дисциплинарный профиль (есть вузы широкого профиля,

а есть — в соответствии с давней европейской традицией — узкоспециализированные). Как мы подробно писали в одной нашей недавней [статье](#), основой этого процесса стал статистический анализ данных о большинстве поддающихся классификации вузов, целью которого было выявление четких характеристик отдельных классов и распределение вузов по этим самым классам. Мы воспользовались базой данных «[Европейского реестра высшего образования](#)» (ETER) — это первый реестр, который содержит сопоставимые данные о более чем 3000 вузов из почти 40 стран. Благодаря этому, а также благодаря интеграции ETER и результатов обработки данных проекта [RISIS](#) по изучению исследовательской инфраструктуры, мы смогли разработать классификацию европейских вузов, позволяющую проводить межстрановые сопоставления, и проверить ее эмпирически.

Новая классификация

Предлагаемая нами классификация содержит шесть категорий вузов, различающихся в зависимости от ориентации на науку или обучение и предметной специализации (естественные науки — с одной стороны, социальные и гуманитарные — с другой).

Опираясь на эмпирический анализ, мы выделили класс, куда вошло порядка 300 исследовательских университетов, включая все лучшие европейские вузы, занимающие высокие места в международных рейтингах. Эти исследовательские университеты составляют стержень европейского высшего образования, именно они производят львиную долю научных публикаций, а кроме того, на них приходится 40% всех студентов региона. Вторая по значению категория наукоориентированных вузов — так называемые научно-технические вузы, например Мюнхенский технический университет или Швейцарская высшая техническая школа Цюриха, то есть вузы, которые на системной основе занимаются научной работой и передовыми технологическими разработками. На них зарегистрировано 40% патентов, оформленных на европейские вузы. Далее мы выделили довольно крупную категорию вузов широкого профиля, она включает в себя молодые и в меньшей степени ориентированные на науку университеты. Следующая категория — крупные университеты прикладных наук, в которых обучается в общей сложности почти 40% студентов бакалавриата и магистратуры в Европе. На примере этой группы видно, в каких областях в Европе традиционный университетский сектор пересекается с неуниверситетским. Среди европейских вузов также можно выделить узкоспециализированные учебные заведения социально-научной и гуманитарной направленности, включая художественные, музыкальные и теологические учебные заведения, среди которых есть очень старые и очень престижные в своей области вузы. Наконец, есть группа крупных вузов (среди них много частных), которые занимаются только обучением и не занимаются наукой.

Предлагаемая нами классификация содержит шесть категорий вузов, различающихся в зависимости от ориентации на науку или обучение и предметной специализации.

Мы полагаем, что наша классификация с ее шестью категориями позволяет соблюсти разумный баланс между детальностью и отсутствием избыточности. Последующий анализ показывает, что выделенные категории всегда поддаются описанию и маркировке в соответствии с их характеристиками и с названиями вузов, хотя их взаимосвязь с терминологией, используемой в различных странах, может носить запутанный характер. Таким образом, наша классификация удовлетворяет первому важному критерию: она содержит осмысленные, поддающиеся объяснению категории. Кроме того, она предлагает более четкое, более избирательное деление на «исследовательские университеты» и все остальные, но при этом в эту категорию все равно попадает большинство европейских вузов, встречающихся в международных рейтингах. Стоит подчеркнуть, что в дополнение к традиционному делению на (исследовательские) «университеты» и учебные заведения, для которых главное — это образование, мы также выделили в отдельную категорию вузы широкого профиля, которые тоже в той или иной степени занимаются наукой и среди которых есть как университеты, так и традиционно противопоставляемые им университеты прикладных наук. Это очень важно, особенно если учитывать, что на эту категорию вузов приходится более четверти всех студентов бакалавриата и магистратуры в Европе.

Новая классификация помогает лучше понять, как устроено европейское высшее образование, и выделить группы вузов, обладающих схожими характеристиками, что важно, например, с точки зрения европейской образовательной политики. Дальнейшее расширение базы данных ETER со временем позволит усовершенствовать предложенную классификацию и проанализировать происходящие изменения. Как показывает пример классификации Карнеги, основная проблема в будущем будет заключаться в том, как добавлять в классификацию новые измерения, сохраняя при этом ее первоначальную простоту.

Двухвариантная модель оплаты обучения в вузах России и постсоветских стран

Анна Смоленцева

Анна Смоленцева — ведущий научный сотрудник Института образования НИУ ВШЭ (Москва).

E-mail: asmolentseva@hse.ru.

Двухвариантная модель оплаты обучения — одна из особых моделей финансирования высшего образования, она существует лишь в странах бывшего Советского Союза (в большинстве из них), некоторых бывших социалистических странах Центральной и Восточной Европы и ряде африканских стран. В отличие от всех остальных используемых в мире моделей, которые предполагают либо взимание платы за обучение со всех студентов (так обстоят дела, например, в Англии, Нидерландах и США), либо полностью бесплатное образование (как в Германии или Финляндии), двухвариантная модель предусматривает, что к различным категориям местных студентов применяются различные правила. Этот подход был внедрен во всех 15 странах, некогда входивших в состав СССР, и по-прежнему применяется везде, кроме Эстонии. Различия в применении этой модели между отдельными странами незначительные.

В условиях данной модели абитуриенты делятся на две категории в зависимости от их успехов в учебе, которые оцениваются по результатам сдачи стандартизированных государственных экзаменов. Абитуриентов с высокими баллами зачисляются на бюджетные места. Остальные должны сами платить за обучение. В России сейчас около половины всех студентов государственных вузов платят за обучение; в большинстве других постсоветских стран этот показатель варьируется от 45 до 85%. В большинстве случаев вуз самостоятельно решает, сколько абитуриентов он примет на коммерческие места (вузы массового образования зачисляются столько абитуриентов, сколько они вообще могут найти и обучить). Минимальная проходная планка, устанавливаемая правительством, довольно низкая. Деньги, взимаемые со студентов, являются важным источником дохода и служат существенным дополнением к слабому бюджетному финансированию.

Студенты обеих форм обучения учатся вместе, но различия в критериях зачисления сопряжены с двумя различными типами стремлений, мотивации и стимулов у абитуриентов (выбирающих, куда поступать и как готовиться), вузов (выбирающих, каких абитуриентов куда привлекать и как) и государства (выби-

рающего, куда направлять финансирование). Внутри каждого государственного вуза наблюдается подобная дихотомия.

Двухвариантная модель как пережиток позднесоветского периода

Уже к 1980-м годам советская система высшего образования (программы 6-го уровня в соответствии с Международной стандартной классификацией образования) вышла на уровень массового охвата: примерно одна пятая всей молодежи в СССР получала высшее образование, в РСФСР — одна четверть, что вполне сравнимо с западными показателями того периода. Правительство пыталось активизировать социалистическую систему путем внедрения элементов экономической свободы и рыночной экономики — инструментов, набравших мировую популярность. Запущенная в 1980-х годах политика перестройки ознаменовалась кардинальными изменениями в системе государственного финансирования высшего образования: зародилось представление об образовании как услуге; государство перестало быть единственным источником финансирования образования; началась диверсификация источников финансирования; появилось частное финансирование; стало возможно негосударственное образование. Была надежда, что либерализация поможет справиться с закостенелостью советской системы, преодолеть системный перевес в пользу инженерного образования и уклон в сторону прикладного образования, а также создать динамичные и гибкие вузы.

После распада СССР в России и других бывших союзных республиках было принято новое образовательное законодательство, свидетельствовавшее о приверженности властей идее развития нового частного сектора и утвердившее частичную маркизацию государственного сектора, где в дополнение к бюджетной форме обучения появилась коммерческая. Частные вузы не достигли большого охвата ни в России, ни в большинстве других постсоветских стран, зато маркизация стала очень заметна в занимающем доминирующее положение государственном секторе.

Структура двухвариантной модели

Как описано выше, двухвариантная модель делит образование на два сегмента: меритократический (бюджетная форма обучения) и рыночный (коммерческая форма обучения).

Разделение на два сегмента обусловлено двумя различными типами конкуренции: в бюджетном сегменте конкуренция зависит от академических успехов, в коммерческом — от стоимости обучения. В элитных вузах, которые остаются высокоселективными за счет ограничения количества мест на коммерческой форме обучения, система отбора абитуриентов сочетает меритократический подход и рыночный.

Разделение на два сегмента обусловлено двумя различными типами конкуренции: в бюджетном сегменте конкуренция зависит от академических успехов, в коммерческом — от стоимости обучения.

В бюджетном сегменте стоимость обучения в расчете на одного студента централизованно определяется правительством, сами «получатели услуг» о том не ведают. Отбор абитуриентов производится на основе их ранжирования в зависимости от баллов, набранных по итогам экзаменов. Успехи в учебе (экзаменационные баллы) служат, таким образом, наряду с ценой обучения одним из сигналов конкурентной борьбы. Информация о минимальных и средних проходных баллах публикуется в открытом доступе, в результате чего у студентов и вузов формируется «иерархия значений».

В коммерческом сегменте зачисление зависит от оплаты. Стоимость обучения определяют сами вузы, и она может существенно варьироваться в зависимости от вуза и направления обучения. Студенты оплачивают обучение сразу и напрямую вузу, в отличие, например, от квазирыночных систем в Англии и Австралии, где стоимость обучения определяется правительством, студенты не платят вузам напрямую и сроки оплаты могут быть отложены до тех пор, пока человек не выйдет на определенный уровень трудовых доходов. Как и в США, в России вузы сами устанавливают стоимость обучения, однако, в отличие от американских вузов, в российских существует деление между студентами бюджетной формы обучения и коммерческой. Кроме того, в отличие от американской модели и некоторых других, в странах с двухвариантной моделью оплаты обучения не предусмотрены какие бы то ни было масштабные стипендиальные программы или программы финансовой помощи студентам, которые бы помогали им покрыть бытовые расходы, если не брать в расчет незначительные стипендии для определенных групп студентов.

Последствия

Подобная модель только усиливает образовательное неравенство, за что ее регулярно критикуют представители Европейской комиссии, Всемирного банка и ОЭСР. Меритократический путь, дающий возможность поступить на бюджетные места, в особенности в престижные вузы, связан с социально-экономическим неравенством: только представители обеспечен-

ных групп населения могут позволить себе отдать своих детей в престижную среднюю школу и нанимать репетиторов. Второй же путь открыт тем, у кого есть деньги. В отличие от относительно эгалитарной советской системы, нынешняя система с ее двумя вариантами поступления только способствует усилению неравенства.

Кроме того, текущая система подкрепляет стратификацию вузов. Поскольку сектор элитных вузов регулируется не рыночной конкуренцией и рыночными ценами, а репутацией, то высокая селективность вкупе с высокой ценой стали считаться признаком «качества» и престижа. Сектор обычных, неэлитных вузов подчиняется принципам рыночной конкуренции, так что двухвариантная модель приводит к появлению в вузах своеобразных и иногда неэффективных *практик*, направленных на оптимизацию государственного и частного финансирования. Нынешняя модель также способствует воспроизводству двойных стандартов социальной ценности (материальный/меритократический), при которых деньги играют решающую роль. А для абитуриентов, не имеющих возможности поступить на бюджетные места, она приводит к нормализации невысоких стандартов, когда деньги в высшем образовании ценятся выше учебных достижений.

Двухвариантная модель отбора абитуриентов и финансирования вузов оказала огромное влияние на развитие высшего образования в России и других странах бывшего СССР. Она одновременно способствовала массовизации высшего образования, расширению системы, стратификации вузов и усилению социального неравенства. Удивительно, что эта модель практически никогда не ставится под сомнение. Лишь Эстония отменила в 2012 году плату за обучение в государственных вузах для студентов, которые проходят программу в нормальном темпе. В Грузии продолжилась маркетизация: были введены образовательные ваучеры на оплату 100%, 70% или 50% стоимости обучения в зависимости от результатов экзаменов, появилась система грантов для нуждающихся и бюджетные места на программах приоритетных направлений, но в целом в 2018 году всего 19% первокурсников получили помощь в размере, полностью *покрывавшем* стоимость обучения. В начале 2000-х годов в нескольких российских регионах проходила пилотная программа по внедрению образовательных ваучеров, но она была свернута. Ваучерная система — это еще более жесткая версия нынешней двухвариантной модели, потому что при использовании ваучеров доступ к бесплатному высшему образованию еще в большей степени оказывается привязан к «заслугам» и, соответственно, к социальному неравенству.

Постсоветская двухвариантная модель вполне согласуется с получившей широкое распространение в мире идеей о том, что основная задача высшего образования — подготовка кадров, пригодных к трудоустройству, что является наследием теории человеческого капитала, которая обосновывает, почему

и власти, и отдельные люди должны инвестировать в высшее образование. И в *советское* время подготовка кадров, нужных экономике страны, считалась основной задачей высшего образования. Это одна из причин, почему *после* распада СССР нынешняя двухвариантная модель так хорошо прижилась в этом регионе.

Эта модель воспроизводит культурный барьер между эгалитарным, но эффективным с профессиональной точки зрения советским подходом к высшему образованию как общественному благу, с одной стороны, а с другой стороны — постсоветским восприятием высшего образования как частного блага, основанного на потребительском выборе и нормализующего неравенство. Двухвариантная модель, являющаяся пережитком советского прошлого, требует пересмотра и проверки на предмет соответствия критериям социальной справедливости, общественного благополучия и экономической эффективности, а также в более широком смысле — задачам высшего образования в условиях XXI века в целом.

Австралия и китайский вопрос

Энтони Уэлч

*Энтони Уэлч — профессор наук об образовании
Сиднейского университета (Австралия).*

E-mail: anthony.welch@sydney.edu.au.

Австралийский университетский сектор отличается двумя яркими чертами, и обе они имеют отношение к образовательным и научным связям с Китаем. Несмотря на относительно небольшие размеры австралийской системы высшего образования с ее 1,6 миллиона студентов, целых шесть университетов страны входят в сотню лучших вузов мира согласно Шанхайскому рейтингу (ARWU). Это больше, чем, например, в гораздо более густонаселенной Канаде. Вторая особенность — это удивительно высокая доля международных студентов: в 2019 году иностранцы составляли 27% от общего числа студентов в стране. Среди них безоговорочно лидируют студенты из материкового Китая. Собственно, две эти особенности взаимосвязаны, потому что, по данным на 2019 год, иностранные студенты являлись источником 27% дохода университетов, и, по оценкам, примерно четверть средств, которые университеты тратят на науку, обеспечивается именно за счет денег иностранных студентов.

Международные студенты в Австралии

Количество международных студентов в стране активно росло на протяжении нескольких десятилетий, в результате чего международное образование стало в Австралии четвертой по объему из крупнейших экспортно ориентированных отраслей. Но одновременно с этим австралийские университеты оказались в огромной зависимости от денег международных студентов, в особенности китайских. Это, в свою очередь, связано с систематическим недофинансированием высшего образования, которое вынудило вузы заняться поиском новых источников дохода, в частности привлечением все большего числа самостоятельно оплачивающих свое обучение международных студентов.

Вся первая десятка стран, откуда в Австралию приезжает больше всего международных студентов, сосредоточена в Азии, что обусловлено географическим положением Австралии: это единственная крупная англоязычная образовательная система в южной части Тихого океана. Всего за 2017/18 учебный год Австралия заработала на международном образовании 32,4 млрд австралийских долларов (22 млрд долларов США), из них 22,2 млрд (16,6 млрд долларов США) — благодаря студентам из азиатских стран, в особенности из Китая. Выходцы из материкового Китая составляют в целом по стране 40% всех международных студентов, их доля гораздо выше в исследовательских университетах, входящих в так называемую «Группу восьми». В Сиднейском университете 24% студентов — китайцы. В 2018 году этот вуз заработал на иностранных студентах 885 млн австралийских долларов (664 млн долларов США), что составило 35% годового дохода. До пандемии COVID-19 в трех университетах Сиднея насчитывалось больше студентов из Китая, чем в 33 государственных университетах Калифорнии.

Квалифицированные мигранты из Китая

Австралия давно поощряет миграцию квалифицированных кадров, и получается, что одну из наиболее высококвалифицированных групп иммигрантов сейчас составляют выходцы из Китая, что несет за собой серьезные последствия для высшего образования. В среднем 15% научных и преподавательских кадров Австралии — люди азиатского происхождения. Как показывает статистика, число ученых и преподавателей из Китая за период с 2005 по 2015 год увеличилось втрое. Китайская научная диаспора, многие представители которой когда-то приехали в Австралию учиться в аспирантуре и затем осели в стране, становится все более заметной силой в австралийском высшем образовании. Эти люди нередко обладают крепкими связями с мощной китайской наукой и с ведущими китайскими университетами.

Последствия пандемии COVID-19

Пандемия COVID-19, разразившаяся в начале 2020 года, в корне все изменила. Международная студенческая мобильность, а в особенности для студентов из Китая, остановилась из-за ограничений на международные передвижения. Более 60% из 170 тысяч китайцев — обладателей австралийской студенческой визы застряли за пределами Австралии, потому что многие из них отправились в начале 2020 года на родину встретить китайский Новый год. Из-за длительных ограничений большинство этих студентов так и не смогли вернуться в Австралию, по данным на конец 2021 года. Эта ситуация заметно сказалась на многих австралийских университетах, особенно на вузах с высокой долей студентов из материкового Китая. Невзирая на то что вузы смогли оперативно переключиться на онлайн-обучение (и поначалу это было воспринято с пониманием, но со временем это понимание было вытеснено усилившимся желанием возобновить обучение в обычном формате), потери вузов в доходах за 2020 год составили около 1,8 млрд австралийских долларов, а потери за 2021 год оцениваются на уровне 2 млрд австралийских долларов. По прогнозам, в 2020–2024 годах университетский сектор недосчитается 6,4–7,6 млрд австралийских долларов, которые должны были быть потрачены на науку.

Резкое падение доходов, которые так и не восстановились, вынудило вузы приостановить новые программы, сократить дискреционные расходы и начать распродавать недвижимость, в частности студенческие общежития, многих из которых по-прежнему пустуют. Несмотря на такое существенное падение доходов и на сокращение штатов (к концу 2021 года численность персонала университетов уменьшилась, по оценкам, на 35 тысяч человек), федеральное правительство систематически отказывало университетам в финансовой помощи в рамках принятой в стране специальной программы поддержки занятости в условиях пандемии. Чиновники, ректоры, министры и бывшие министры в 2021 году объясняли сложившуюся ситуацию так: «Всё не так уж сложно. Просто правительство ненавидит университеты». (См. также статью Вильяма Локка «Австралийское высшее образование настигла катастрофа?» в 107-м выпуске «Международного высшего образования».)

Сотрудничество и идеологическая война

На научные связи с Китаем также оказала влияние напряженность в американо-китайских отношениях и усиливающаяся поляризация. Хотя Австралия долгое время держала курс на привлечение сотен тысяч студентов из Китая, усиление соперничества и враждебности между двумя сильнейшими мировыми державами и давление со стороны США, которые хотят, чтобы их союзники следовали за ними, безусловно, повлияло на политику Австралии. Усилился

американский прессинг в сторону ослабления связей с Китаем, в особенности в сфере научного сотрудничества, и тем самым был дан задний ход практиковавшейся до этого политике наращивания двустороннего сотрудничества с Китаем, в результате которого Китай стал ведущим научным партнером Австралии в таких областях, как математика, химия и инженерное дело. Благодаря своему научному взлету, Китай оказался второй после США страной по уровню цитируемости научных публикаций, согласно данным Web of Science (WoS), а к 2019 году Китай вышел на второе место по количеству наиболее часто цитируемых исследователей. Соответственно, привлекательность Китая как научного партнера все время росла; статьи в вышеуказанных областях, написанные австралийскими учеными в соавторстве с учеными из Китая, цитировались в среднем чаще, чем статьи, написанные только австралийцами. Многие статьи ученых из австралийских университетов, среди которых были и представители китайской диаспоры, были написаны совместно с коллегами, работавшими в материковом Китае. Если в 1996 году 4% всех статей, выпущенных учеными из Австралии, было написано в соавторстве с китайскими коллегами, то в 2009 году этот показатель достиг 14%.

Усилился американский прессинг в сторону ослабления связей с Китаем...

Это очень важно, особенно если учитывать, что в Австралии 45% научных статей пишется в соавторстве с зарубежными коллегами, что существенно выше среднемировых 35%. А значит, наложение масштабных ограничений на научное сотрудничество между Австралией и Китаем существенно замедлит научный прогресс, приведет к ослаблению связей между двумя странами в сфере высшего образования и только подольет масла в огонь и без того усиливающейся поляризации. В 2018 году почетный ректор Квинслендского университета (входящего в «Группу восьми») и бывший министр международных отношений и торговли Австралии делали доклад о масштабах научного сотрудничества между этим университетом и Китаем. Представитель университета особо отметил, что там вышло более 3 тысяч написанных в сотрудничестве с китайцами публикаций, чья нормализованная средняя цитируемость по предметной области (CNCI) была в три раза выше среднемирового значения. Но на фоне усиления антикитайских настроений и секьюритизации политического курса страны власти запустили национального масштаба проверку связей между

университетами страны и Китаем, что вылилось в недовольство со стороны университетов, возмущенных и ничем не прикрытыми подозрениями, и дополнительным бюрократическим бременем. Был принят закон о противодействии иностранному вмешательству, несмотря на то что многие озабочены, что такой закон только усугубит предубеждения против китайцев и подогреет паранойю из серии «красные близко». Разрабатывается также план обучения преподавателей и студентов вузов, как распознать подозрительные проекты.

Хотя на индивидуальном уровне двустороннее сотрудничество, как правило, продолжается, сотрудничество на институциональном уровне подвергается тщательным проверкам, особенно если речь идет о высокотехнологичных областях. Несмотря на вполне обоснованное беспокойство по ряду вопросов, связанных с безопасностью, хочется надеяться, что пропитанный духом враждебности и поляризованный климат новой холодной войны не выльется в стрельбу из пушки по воробьям, которая бы поставила продуктивное сотрудничество в самом широком смысле под угрозу.

ИНИИ НИУ ВШЭ

Институт институциональных исследований НИУ ВШЭ (ИНИИ) осуществляет фундаментальные и прикладные исследования в области институционального анализа, экономики и социологии высшего образования и науки на основе мировых академических стандартов.

ИНИИ интегрирован в международную сеть исследователей высшего образования и сотрудничает с зарубежными экспертами в рамках сравнительных научно-исследовательских проектов в области развития высшей школы и социальной политики в сфере образования. В рамках долгосрочного сотрудничества с Центром по изучению международного высшего образования Бостонского колледжа (США) ИНИИ осуществляет издание русскоязычной версии бюллетеня «Международное высшее образование».

<http://cinst.hse.ru/>

«Международное высшее образование» — русскоязычная версия информационного бюллетеня International Higher Education (Бостонский колледж, США), издается НИУ ВШЭ с 2014 года ежеквартально.

Переводчик — Галина Петренко

Редактор перевода — Лариса Тарадина

Корректор — Ольга Першукевич

Дизайн, верстка — Владимир Кремлёв

Руководитель проекта — Мария Юдкевич
yudkevich@hse.ru

Координатор проекта — Наталья Денисова
ndenisova@hse.ru

109028, г. Москва,
Покровский бульвар, д. 11

Е-mail: ihe@hse.ru

Сайт журнала: www.ihe.hse.ru

ВЫПУСК

109

Зима

2022

